

Виктор ЛАПШИН

ДОВОД

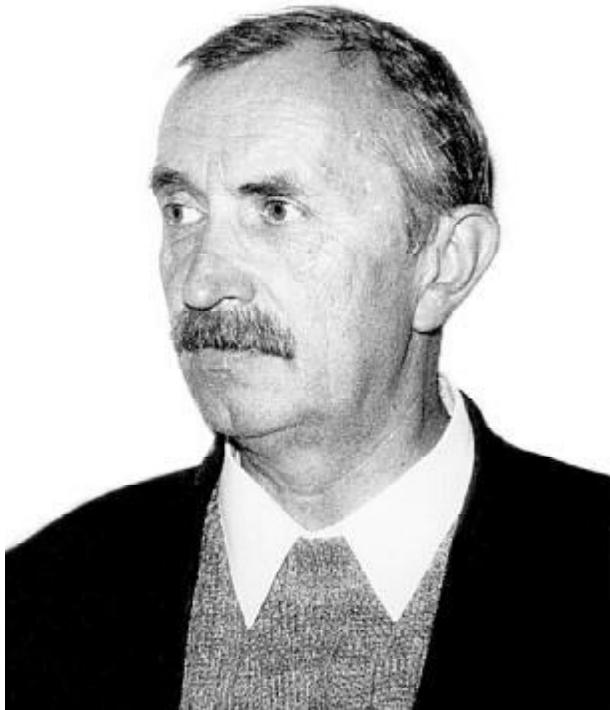
ИЗБРАННОЕ



Оформление В.И.Кунташева



Кострома, 2006 г.



Виктор Михайлович Лапшин, член Союза писателей России, автор многих книг, изданных в Москве, Ярославле, Костроме, журнальных и газетных публикаций, поэтических переводов с дагестанского, абхазского, балкарского и других языков. Лауреат премии имени Ф.Тютчева, еженедельника «Литературная Россия», нескольких годовых журнальных премий. Представлен в антологии «Русская поэзия. XX век» и в издании «День поэзии». Живет в г.Галиче.



ПОЭЗИЯ ВИКТОРА ЛАПШИНА

Когда о стихах впервые являющегося перед читателями поэта говорят, что они «хорошие» или даже «отличные», — это не настоящее признание. Подлинное признание бывает тогда, когда об этой поверхностной квалификации поэзии попросту забывают и сразу начинают говорить о чем-то другом.

Стихотворения Виктора Лапшина вызывают именно такой отклик; главное в том, что они есть, они существуют как нечто непреложное и требуют к себе более серьезного, более глубокого отношения, нежели легковесная оценка.

Помню, когда... вышла в свет первая (если не считать юношеской «Грозы», изданной в 1966 году на Кубани) книга Юрия Кузнецова, ее встретили с активной любовью или с не менее активной враждой, но никто, кажется, не унизил ее и себя рассуждением о том, насколько «хороши» стихи поэта. Конечно, я вспомнил об этом поэте совсем не случайно: стихотворения Виктора Лапшина, по-моему, самое впечатляющее новое явление в поэзии после выхода книги Юрия Кузнецова.

Что же неоспоримо значительно в творчестве Виктора Лапшина? Прежде всего — очевидная сила, воля, энергия поэтического голоса, которых так недостает в стихах последних лет, подписанных новыми именами.

Отсюда уже рождается поистине удивляющее многообразие поэзии Виктора Лапшина... Виктор Лапшин — поэт самого широкого диапазона... В каждой из этих разнородных форм творчества Виктора Лапшина — особенный поэтический строй; даже самый их словарь, сама художественная лексика имеют явные отличия. И в то же время несомненно единая и глубоко личностная творческая воля, воплотившаяся во всем этом многообразии...

Вадим Кожин



На литературном небосклоне много падало звезд и много было загадано желаний. Но эти звезды мгновенно исчезали, а желания не исполнялись.

И вот вспыхнула новая звезда. Загадай желание, читатель! Я уже загадал. Это Виктор Лапшин! Это настоящий поэт. Это не летучий метеор. Он слишком крупен по массе и сокрушителен по удару, и можно легко предугадать, что, рассекая плотную атмосферу современного литературного внимания или сопротивления (что одно и то же), он войдет в русскую поэзию. Уже вошел.

Виктор Лапшин удивительно целомудренный поэт. После чтения многих его стихов в душе остается тонкий неуловимый аромат обаяния. И между тем он — сложный поэт, с широким эпическим видением, его воображение клубится, его умонастроение глубоко и полно тончайших смысловых оттенков. Человек, Родина, Природа — вот триединый объект его самых пристальных дум.

Из пяти человеческих чувств у В.Лапшина глубоко развиты два: зрение и осязание. Это исходные его великолепной пластики. То, что он видит, то осязает. У него чисто русское волнистое зрение...

...Назову одно имя — Виктор Лапшин, к которому отношусь всерьез...

Юрий Кузнецов

Лапшин, как никто, по-моему, из наших поэтов, вошедших в литературу в последние годы, соответствует тому третьему типу «певца-самородка», о котором говорил Ап.Григорьев, — «самородка, развитого глубоким мышлением и наукою»...

Поэт говорит свободно и раскованно в той и забытой, и памятной нам манере, в которой говорили древние славянские пророки... От стихов Лапшина остается неизменное ощущение обновления слова, необычайного интонационного разнообразия при абсолютно знакомой поэтике. «От его стихов, — точно заметил Ю.Кузнецов в одном из своих устных выступлений, — пахнет древней свежестью».

Л.Баранова-Гонченко





* * *

Мой друг! Мой брат! Такое дело:
На сердце много наболело —
Иду на исповедь, на казнь!
И смерть красна, коль принародна;
Надеждою душа свободна,
Но где надежда — там боязнь.

Страшусь — и верую упорно,
Что поделиться незасорно
Сердечной думой. Знаю я:
Зачахнет тайное под спудом;
Пускай не станет слово чудом,
Но будет эхом бытия.

Нет сил молчать! Прости заране —
Не обойдуся я без брани,
Но льстить нахально — горший грех:
Медоточиво — вражье слово.

...Не слишком речь моя толкова,
Зато за всех — и ради всех.

1980





ВИДЕНИЕ

Уж падали звезды в глубокие нивы,
Шли полем и пели зазывные песни.
Так были леса обреченно красивы,
Что крикнуть хотелось: «Воскресни! Воскресни!»

Уже на болотах пузырилась клюква.
Сиреневый пар обволакивал доли,
И девушек — чур меня! — леший аукал,
За каждым кусточком хватал за подолы.

Над озером сизо. Челны на излете.
Не плещут игриво сонливые рыбы.
Прибрежные ивы в сухой позолоте,
И пыль на дорогах — хватило искры бы...

...И странник сидит на меже одичалой,
Сквозит под бровями душа голубая.
А девушки мимо... Тропинкой бывалой
К любви и покою проводит любая.

И вдруг — верховой: по посадам, по селам —
«Встречайте огнем и мечом супостата!» —
На яром, на карем, на люто-веселом!
А в небе звезда замахнулась хвостата.

Плач девий, вой бабий, старушечий причет:
«Куда ж ты, родимый? Что станется с нами?»
А Голубоглазый восторженно кличет:
«Под знамя!» Какое там знамя — а знамя.

Неведомый топот, скаканье за лесом!
Земля задрожала — и листья опали!
И вымахнул всадник! Коня он зарезал —
И нож в лебеду! Мужики подступали.



Он в пояс поклон им: «Здорово живете!
Принять иль отвергнуть посланца вольны вы.
Пузырится клюква уже на болоте,
Уж падают звезды в глубокие нивы.

Ваш край малолюден, а жито обильно.
Мы к вам на подмогу — три тысячи братьев.
Не верите? Ясно, и мне не обидно.
Три тыщи работников! Где вам набрать их?

Ко мне, кузнецы! Поскорее за дело!
Три тыщи серпов! Не жалейте железа!
Ну как убедить вас? (Толпа загудела.)
Без выручки нашей страда тяжелей же!»

Тут Голубоглазый шагнул, приосанясь:
«Добро! Но из лесу — с пустыми руками!
Три тысячи ртов! Иль прокормитесь сами?
Иль пищу найдете себе кулаками?» —

«Заплатим за все мы, не быть вам внакладе.
Так что—по рукам?»—«Но, смотри, без оружия!»—
«На что оно нам!» Свистнул вестник не глядя —
И лес зашатался, и войско наружу!

Один к одному, коли драться — отучат:
Здоровы ребята, не сдвинешь плечом их.
Три дня без разгибу! Как молнии в тучах,
Сверкали серпы во хлебах золоченых.

Эх, поле-раздолье! Три дня без разгибу!
«Жнецы-то, поди ж ты! Слова у них святы:
Поели и мясо, и яйца, и рыбу —
И нате вам: золотом! Видно, богаты!»

Не знали, как с братьями и распроститься!
«Такого и мы, старики, не слыхали!»
Тянули на юг перелетные птицы,
И шапками гнезд им березы махали.

1974



СКАЗКА

Город пряничный, румяный.
Пряный дух из-под стрехи.
По дорожке по песчаной
Выступают петухи.

Впереди косматый кочет
Лихо лупит в барабан,
Под крылом на алой ленте
Блещет вострый ятаган.

Пахнет смолю тополиной,
Ветерок юлит щенком.
Вон цыпленок-дьяволенок
Увязался за полком.

Словно желтый одуванчик
Соскочил со стебелька;
Завопил бы «ку-ка-реку!»,
Да кишка еще тонка.

А косач правофланговый
Зыркнет глазом по рядам,
Прохрипит (с ноги собьется)
Дьяволенку: «Я те дам!»

«Запевай!» — вопит полковник.
Песню слышно аж в лесу:
Про избу на курьих ножках,
Про боярыню Лису...

1975



ОСЕНЬ

Наземь гирями падают тучи.
Песня спета. Пора на покой.
Пауки с можжевельной кручи
Сиротливо плывут над рекой.

Ивнячок покарябан скотиной.
В омутах костенеет вода.
Провода над дырявой плотиной
Знай проносят тепло в города.

На кордоне, за каменной грязью,
Для сторожки медвежьи велик,
Пса гулящего коркою дразнит
Лесовик, но теперь он лесник.

Кой-чего хватанул по старинке.
На крыльце лист кленовый горит,
И надсадно в пустой четвертинке
Очумелая муха звенит.

1975

СВЯТОГОР

Было время — покой ликовал на Руси,
Лишь один тосковал — Святогор.
Вдруг во сне ему голос: «Уважу — проси!
Так любезен мне твой непокор.

Что за жизнь: бесконечны, унылы труды;
Под сохой молодецкая ширь...
Не заменишь лампадою вольной звезды!...»
«Дай мне силу!» — вскричал богатырь.



Слово — дело! И дубом становится хвощ,
А дубрава травой полегла!
То народа державного буйная мощь
В жилы витязя перетекла.

Чрез Мещерские грязи, седые пески,
Через Дикое поле и Чудь
Доскакал Святогор до Пучай до реки,
Тут заказан и был ему путь!

Не топтать ему боле приветных долин,
Не коверкать подковами гор...
Где ступал, где куражился конь-исполин,
Ныне бездны студеных озер.

Устремится на запад, шагнет на восток,
Без оглядки рванется изгой, —
Но повсюду земля, как зыбучий песок,
Исчезает под грузной ногой.

И угрюмо взирает в пустынную даль
На Железной горе великан.
Язвы ржавые точат доспешную сталь,
Мох взползает по ней к облакам.

Минул век... или день... К Святогору — гонец:
«На Руси за бедою беда!
Одолели враги! Помогите нам, отец!
Льется русская кровь, как вода!

Мы без мысли мудры, мы без силы храбры!..»
Богатырь головою поник:
«Не сойти Святогору с Железной горы!»
И слезами залился старик.

1982



РАСПЕВ

На отшибе гибельном,
На прощай-краю
Черт Иваныч выстроил
Хижину мою.
Становище-скривище,
Нелюдимый кряж...
Солнечное марево,
Ветровой кураж.
Флюгер-птица райская
Неусыпно бдит,
И сияет меленка —
И на гуд гудит.
Угнетет безвременье —
Долго не тужу:
Своеволие праздную,
По лугам брожу.
Нрава бесшабашного,
Вечный миг жива —
Вьется и топорщится
Наобум трава.
Эх, и мне врати-то бы
В землю на авось,
Чтобы мощь глубинная
Проняла насквозь,
Чтоб корысти-зависти
Не было следа,
Чтобы в небо зоркое
Глянуть без стыда!
У тысячелистника
В ласковой тени
Пусть мои бездумные
Пролетают дни.



Знать не знаю сорного!
Всем былинкам брат,
С наперстянкой пчелами
Поделиться рад.
И в обнимку с мятликом,
С пижмою в ладу
Нежу мать-и-мачеху,
Тешу лебеду.
Незабудке ангельской,
Рыцарю волчцу —
Жребий мой по норову,
Волглый лист к лицу.
Рви, коси, затапывай,
Польемем пали —
Что ключи, ударим мы
Снова из земли!
Что нам зной да водополь,
Стужа или мор?
Мы для шири созданы —
Иль для нас простор?!
Гей, польнь матерая,
Дудник-долговяз!
Перед кем в долгу-то мы,
Кто тут нам указ?
Пусто небо древнее,
А земля мертва!..
Без боязни-удержу
Кругом голова!
И с житья вольготного
Вдоль витой тропы
Мы возьмем прохожего
В крючья и в шипы.
Мы заткем пропащему
Воротимый след:
Родина-то родина,
А дороги нет...



Оплетем, опутаем
Долы и холмы,
Лавою зеленою
Хлынем в город мы.
Ворогов сиротскою
Долей веселя,
Он поймет, как надобна
Отчая земля.
Тьму благоуханную
Вознесем над ним,
Гульбища и торжища
Мы заполним.
Жгучими стрекалами
Вездесущ и лют,
С братьями травянами
Взбудоражу люд.
Пусть друг к другу бросятся
Он, и он, и он —
В житие согласное
Из жилища вон!
Эх, трава родимая,
Пустоцвет и злак!
Не по оку знаменье —
Так по глазу знак!
С пустыря былинного
Взмою по лучу,
По волокнам облачным
Пухом полечу.
И куда ни попадя,
Вихрь, меня неси!
На забвенье-пагубу,
Лишь бы на Руси!
Звездная глаголица,
Солнечная вязь!
Мирно жить немислимо,
Миру не дивясь.



Как не дивоваться мне
В мой высокий час,
Если ширь бесстрашная
За душой у нас!
По душе и поприще!
Высоко живи,
Без тумана в черепе,
Без тоски в крови!
Выше, выше помыслом!
Вьсь в тебе, с тобой!
Есть судьба державная
Над твоей судьбой.
Ей, народной участи,
Смело глянь в лицо —
Вмиг оно расторгнется,
Времени кольцо.
Вечно сокровенная
Распахнется даль!
Буйствовать ли в радости,
Никнуть со стыда ль?..

1986

КРУЧИНА

В моем забытом далеке —
Ни ледохода на реке,
Ни синевы отрадной
Над вербой ненаглядной...
Где лишь потеха да игра,
Не ждите ласки и добра...
Нужна мне, чтоб согреться,
Родного дома головня?
Ни от вселенского огня,
Ни от кручины средства...
Не стало сердца у меня,
Но я — сплошное сердце!

1987



БЕССОННИЦА

Полночь, а только Юпитер
В стыллой пустыне горит.

Поезда грохот далекий.
Долгий кузнечика звон.

Улицы ясны и гулки.
Нет ни единой души.

Глянeshь — а в каждом окошке
Строго белеет лицо.

Молча глядят на дорогу,
Как по дороге идти?..

И тороплюсь я понуро,
Будто бы в чем виноват...

Что они скоро увидят?
Что они видеть хотят?

1987

ГЛЯДИ И ДУМАЙ

Гляди и думай, кто перед тобою!
Ретивый хлыщ с надменною губою
Брезгливо цедит: «Что ни говори —
Народ наш быдло, черт его бери!
Все пьянь, да брань, да ужас мордобоя!
О чем в толпе толкуют — боже ж мой!
Кто с кем нажрался, кто кому по харе
Усердно съездил, как блевали в баре,
Как до утра гремели на гитаре,
Когда от потаскушек шли домой...



К пророчествам и увещаньям глухи,
Все, все кругом податливы, как шлюхи!
И осрамились мы на белый свет:
Виновнику неукротимых бед —
«Отцу народов» задницу лизали,
Рукоплескали нечисти и швали,
Крушили храмы, где еще вчера
Молились Богу блага и добра, —
На встречу с праотцами уповали!..
Иуды! Оборотни! Поделом
И кровь, и пот, и слезы: не покорствуй!
Не подличай из-за коврижки черствой,
На каторге и хлеб родной колом!»

Внимай и думай, кто перед тобою!
Теперь от правдолюбков нет отбою;
Все виноваты — только не они...
Без страха злобствуй, мстительно кляни
Судьбу, народ, обычаи, законы,
Мирскую власть, засилие мамоны, —
Никто не рявкнет: «Взять его за храп!»
Я краснобаев славил бы, когда б
Они и прежде голос не таили
И жажду воли смело утолили...

Умолкни, Переметная Сума!
Ты и сейчас брюзжишь не задарма:
Любой наскок на старое доходит,
И твой задор — угодлив, не угоден.
Народ же и в лихие времена
Твердил: «Нам революция нужна!»

1988



СКУДЕЛЬ*

Спи с миром! Счастливая ты:
И комья твои, и пласты
Ни муки не знают, ни гнева;
Что правда тебе — что ложь;
Ты, косная, не умрешь,
Тебе не желанно небо,
Забвенье отрадное дни!

Но пучится чрево земли,
И рада ты, рада взмолиться:
«Родиться бы, только б родиться!»
Зачем бытия канитель
Для той, что мне будет пухом?
О глина, родная скудель,
Еще не пронзенная духом!

1989

* * *

Боготворю родное слово,
Но ведь еще, опричь родного,
Есть труженики-языки;
И в них достойно мир вместился,
Повсюду ум раскрепостился,
Везде живут не дураки...

По-разному одно и то же
Назвали мы, и нет дороже
Рожденных пращуром имен,
Но он-то, рассуди толково,
Не обладая словом, — слово
Ведь создал, без ума умен!..

1981

* Из скудели, глины, создан Адам.



ПРИШЕСТВИЕ

Что-то ночью стрекотало,
Трепетало и витало
В звездах смутным светляком;
Утром глянули торговки...
А на площади листовки
Шелестят под ветерком.

«Ну-кошь!..» Хором прочитали...
Ахнули, запричитали —
И впритруску по домам!
Вот листовка, подивитесь:
«Люди грешные, молитесь!
Я пришел обратно к вам.

Мир труду и обороне!
В пятницу на стадионе
Состоится Страшный Суд!»
Подпись не прочесть без дрожи:
«Иисус Христос». О Боже,
Что творится там и тут!

Толпы в тополином пухе!
Горемычные старухи
Похватили образа:
«День да ночь до Преставленья!»
Истово, в изнеможенье
Вдаль глядят во все глаза.

А вдали на черной «Волге»
Мчит районный идеолог, —
Дверцей хлоп — и на толпу:
«Чушь, товарищи, не верьте!
Вот инструкция в конверте!»
Скок в машину — и к попу:



«Дорогой служитель культа!
Положить куда мне куль-то?
Ты, на всякий случай, дай
Божью рабу Андрею,
То бишь мне, да поскорее —
Крест и Библию... Но втай!»

Долговязы, волосаты,
Роют землю рок-фанаты:
Впопыхах погребены
Богохульные кассеты,
И значки, и амулеты
С мерзкой рожей сатаны.

И священник, скорбный дюже,
Крестит их в озерной луже —
«Набирайтесь ума!»
В кабаке спускают пиво,
Бьют бутылки торопливо;
Вмиг разогнана тюрьма.

Во весь дух, без уговору,
Лихоимцы — к прокурору:
«Воровали — накажи!»
Вслед за ними старец древний:
«Рушил храм, крушил деревни,
Кровь и слезы лил — вяжи!»

Баб и ребятни — толпища:
С хлебом-солью на кладбище
Воскрешенье предков ждут;
Взоры к небесам возносят
И простить друг друга просят,
Жалобно Христа зовут.

...В пятницу всей Слободой,
Пыльной тропой седою,
Кинулись на стадион;
Ордена-медали блещут,
Грамоты в руках трепещут —
Вдруг да смилуется Он...



Земь слезами оросили,
На коленях взголосили:
«Славен буди, наш Господь!
Пощади, Твои мы чада!
Не ввергай в пучину ада!
От Тебя — душа и плоть!»

Кто над ними посмеется?
Что им делать остается,
Блудным Божиим сынам?
Ни гордыни в них, ни злобы...
Говорю вам: хорошо бы
Вспомнить о Суде и нам!

1989

ПОЗДНО

Да, холодно и горько, одиноко.
Мои друзья — терхаявая фуфайка,
Да валенки, простриженные молью,
Да глиняная кружка, да табак.
Дай встану, подойду к окну ночному,
Постанывая, как столетний старец,
Отброшу штору, распахну я душу
Огням немым — и на земле, и в небе,
Собачьему дурашливому лаю,
Протяжной и надрывной песне пьяной,
Безмолвию народа и судьбы.
Ни радости, ни грусти — лишь тревога,
Невнятное слепое беспокойство,
Боязнь своих же мыслей непокорных,
Страх за себя — и за Россию ужас...
Спать не могу, негодованья слезы
В груди стоят, как в брошенном колодце
Глухая нелюдимая вода...

1989



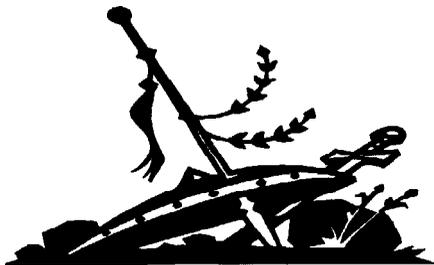
СВЯТАЯ ПРАВДА

В восторге мстительном, или в слепой надежде,
Или в отчаянье — мы те же, что и прежде:
Без прав наследственных, а с правом на права,
Без веры верные, отходчивые чудом,
Для пользы призрачной презревшие Слова,
Что ненавистнее погибели иудам.

Всех благ даятели — мы подаяний ждем,
Снимаем головы друг с друга пред вождем,
Покорно каемся, умнеем торопливо,
Блуждаем радостно в глухом лесу затей
С опасливой оглядкой на детей,
Чья жизнь ущербная пуста иль сиротлива.

Их «Дай!» немислимо без нашего «Даешь!» —
Святая правда: что посеешь, то пожнешь.
Уже с ухмылкой бесовской доброхоты
От нас уводят их в бездонный ад забав...
Нет, поздно спрашивать: «Кто виноват? Кто прав?» —
Пора задуматься бесстрашно: «Чей ты? Кто ты?»

1989





ОТЕЦ

Что нового под солнцем, голытьба?
Кто из себя уж выдавил раба
И давит с чистой совестью соседа?
Иль мертвецов клянете до сих пор
За зверства, за безбожье, за разор?
Куда как весела у вас беседа!

Недаром вы повесили носы!
А ну-ка глянь, голуба, на часы...
Держи червонец, шагом марш за водкой!
Родная власть погибнуть не дает:
Вновь мать Россия, как бывало, пьет,
Финансов нет — и разговор короткий.

Ишь, как помчался: рубль-то даровой!
Ну ты, чего качаешь головой?
Я прав, на дармовщину все мы падки,
Я сам такой, я в нем — себя корю.
...А в общем-то, сегодня я дурю.
Немудрено: в семействе беспорядки.

Эх, жизнь! Вчера я поздно вато лег.
Табак смолил, никак заснуть не мог;
Жена храпела, словно конь на случке...
А задремал — опаматовел вмиг:
На улице визг визгом, криком крик,
Приспичило орать какой-то сучке.

Нет, девкам нынче нечего терять!
Валяй ори, коли взялась орать,
Да только умотай куда подале!
Я на другой перевернулся бок...
Тут и пожаловал ко мне сынок,
Таким его мы сроду не видали:



Белее смерти! Бьет беднягу дрожь.
В руке кривой садовый ржавый нож.
Сам в валенках, в одних трусах... умора!
«Что? — говорит мне. — Надо бы помочь!»
В окно я глянул: вот уж ночь так ночь,
Сова — и та прозрела бы не скоро.

Хрен знает где шатается луна!..
Сказал я: «Наше дело сторона.
Теперь везде и мордобой, и свары.
Свою-то шкуру как бы уберечь!
Не о покое уж — о жизни речь!
А ты тут мне разводишь тары-бары!»

Он мне в ответ: «Да как же так, отец?
Выходит, пусть бесчинствует подлец?
Неужто мы дадим уйти паскуде?»
Деваха будто сговорилась с ним:
Благует голосом недаровым:
«Спасите! Помогите! Люди! Люди!»

На то и люди, чтобы жить умом.
Я говорю: «Зачем я строил дом?
Чтобы шпана его сожгла из мести?
Зачем родился ты, зачем живешь?
Чтоб засадили под лопатку нож?
Случись беда — что я скажу невесте?»

Черт дернул за язык, мать-перемать:
Невесту лучше б не упоминать!
Знать, я вчера не с той ноги обулся.
Сынишка взвился... По ручью из глаз...
«Вдруг там — она! Вдруг там — ее сейчас!»
К дверям он, как из пламени, метнулся!



Я не зевал, схватить его успел.
Он вырвался, зубами закрипел,
Глазами зыркнул — и опять к порогу!
Тут я ему: «Лети— куда летишь!
Но, может быть, сперва ты поглядишь,
Не отдала ли мать-то душу Богу?»

Оторопел, замешкался герой:
Моя острастка для него впервой,
Перевести не удастся духа...
Глядит — и правда: мать едва жива,
Лежит пластом. Трясется голова...
Ну, думаю, не подвела старуха!

Дверь распахнул я: «Не держу, иди!
Потом до гроба сам себя суди.
Неужто струсил? Где ж твоя отвага?»
Он вздрогнул, покраснел до черноты,
В лицо мне зыкнул ненавистно: «Ты!...»
Сел на порог и зарыдал, бедняга.

Да я любому место укажу!
...А утром хватать — записка: «Ухожу!»
Ну ничего, родная кровь обяжет.
У дурака в кармане ни рубля...
Но если что — дойду я до Кремля!
Вернется — да еще спасибо скажет!

1989



МИКУЛА И ТАТЬ

Семь потов сошло с Микулы,
От зевоты сводит скулы, —
После праведных трудов
Рад крестьянин опочиву...
Потрепал он Сивке гриву,
Лег под куст — и был таков.

Ель над ним ерошит лапу;
От мужичьего ль от храпу
На ракитке — ни листа.
Спит Микула, да томится, —
Старому сон мутный снится,
Одолела маета:

Будто бы он пашню пашет
И хвостом ретиво машет,
Тяжко фыркает навсхрап;
На груди железны звенья;
Под копытами камня,
Мочажина да ухаб...

Ох, Микула — конь чубатый!
На него кричит оратай,
Аж в бору от крику гам, —
На кичиги* налегает,
Огненным кнутом стегает
Он Микулу по бокам.

С каждым шагом сошка тонет,
Мать-земля рыдает, стонет, —
Брызжет кровь из борозды...
Намертво соха угрязла...
Голосит оратай назло:
— Нно! Растак и растуды!

* Кичиги — рукояти сохи.



Тут Микулушка рванулся, —
С гулом Божий мир шатнулся,
Гром прошел по всей земле:
Пали города и веси,
Пламень взвился в поднебесье,
Люди корчатся в золе!

Что за страсть! Очнись, Микула!
Ранняя звезда мигнула,
По меже туман ползет,
Меркнут во поле сулоны,
За лесью печальны звоны.
Сердце глухо червь грызет:

Не к добру морока снилась, —
Дома что-нибудь случилось!
...Входит в хату... Так и есть:
Гость в углу пирует красном, —
Он в кафтанишке атласном
И обмотан шелком весь.

Изумрудами расцвечен,
Солнечен, шестиконечен
Знак сияет на груди.
Гость хозяина встречает
И с поклоном привечает:
«Не стесняйся, проходи!

Что ж ты топчешься? Присядем!
Живо мы с тобой поладим, —
Ты ж не трутень и не голь!
Я тебе оставлю Сивку,
Ты же мне пожалуй нивку,
Землю мне продать изволь!»



У Микулы брови тучей;
Грянул он: «Ты, гад ползучий!
Я тебя за вислый нос
Ухвачу — и за калитку!
Ну-ка, мать, покличь Микитку, —
Татя он привадил, пес!»

Выпил меду тать, и крякнул,
И мощной пудовой звякнул —
«Образумиться пора!
Мы же все же с вами люди!»
На столе в кленовом блюде
Блещет золота гора!

Тут взмолилася Настасья:
«Тятенька, возьми на счастье!
Ты не хочешь — я хочу!
Надо мне — давно уж мнится! —
И хвальнское монисто,
И ромейскую парчу!»

И жена вбежала, молит:
«Дурень, сам себя неволит,
Цельный год хребтину гнет!
Забирай, родимый, злато!
То-то заживем богато!
Нас никто не упрекнет».

В горенку вступил Микита,
В пол глядит, гудит сердито:
«Я-ста с гостем ухожу:
Он работой не мытарит
И коня мне даром дарит, —
Свет объезжу, огляжу».



Вскрикнул в ярости хозяин:
«Ах ты, вражий сын хазарин!
Спрячь-ка золотце, смутьян!
Слышал голос твой во сне я...
Хороша твоя затея,
Да в уме я и не пьян!

Прочь пошел, иль будет худо!»
Татъ схватил поспешно блюдо,
Топнул, взвизгнул — и за дверь!
Скорбь Микулу обуяла, —
На своих глядит устало:
«Каково нам жить теперь?..»

1989

В НЕТЯХ

Иссякло все, изнемогло,
Истлеть, рассеяться готово:
Мы поздно вспомнили Слово,
Над нами властвует Число.

Нам нечем радостно владеть,
Блуждает ненависть по нетям.
И стыдно, больно нам глядеть
В глаза и прашурам, и детям.

В хмелю избудем стыд и боль,
Ни шагу к солнцу из шалмана!
О перекатная ты голь!
О век Великого Обмана!

Иссякло все, изнемогло,
Истлеть, рассеяться готово,
И мы спешим принять Число
За искупительное Слово.

1989



* * *

Грядущее грозит мне горем,
Уж тень его — над головой.
Не прячу грудь: с судьбой поспорим,
Не умоляю: боже мой!..
Бестрепетным духовным взором
В неотвратимое гляжу
И с жизнью бедною раздором,
Пренебрегая, дорожу.
Как будто строго, безучастно
Я на себя издаю
Взираю: что ему опасно —
Наука мне наверняка.

Мигнешь — и боль уже вчерашна,
И время поглотило тьму,
И страшно только потому,
Что мне — не страшно...

1980

ЗАКОЛДОВАННЫЙ КРУГ

Давно желанен мне покой,
Незыблемого жажду лада,
Но лишь в мечтанье сердце радо
Смиренной участи мирской.

Так жажда ревностна моя,
Желаю я с такой тоскою,
Что пренебрег смиреньем я
В стремленье к ладу и покою.

1989





У РАЙСКИХ ВРАТ

Под сенью вечного Креста
Сияют райские врата,
Нисходят в мир зарницы;
Сверкают в мировой ночи
Златые звездные ключи
В апостольской деснице.

Мерцает млечная тропа,
По ней не тянется толпа,
Лишь путник одинокий —
Одна смиренная душа —
К вратам восходит не спеша,
Как луч земли далекой.

И вот печальный луч — у врат;
И кличет Петр: «Блаженный брат,
Входи в обитель Света!
Бестрепетно покинул ты
Юдоль тщеты и суеты, —
Гряди же в Божье лето!

Рад мужу праведному Бог!
Не медли, преступи порог, —
Что днесь тебя тревожит?»
Душа в ответ: «О свет очей!
Несчастной матери моей
Здесь нет и быть не может».

И молвил Петр: «Молись в раю
Ты за родимую свою,
Дух без молитв сквернится». —
Под сенью вечного Креста
Сияют райские врата,
Нисходят в мир зарницы.

1989-1991



КЛЕНА

Кто ты ни есть, где ты ни будь,
Пусть даже тайно выйдешь в путь —
В тоске иль окрыленно,
Ее ты встретишь невзначай;
Не погнушайся, величай:
«Здорова ль, кока Клена?»

Она и вздрогнет, и замрет,
Мелконько перекрестит рот,
Лицо в ладонях спрячет,
Сквозь пальцы глянет — и вдогон
Прошепчет горестно: «Не он!..»
Шатнется и заплачет.

Вот так и бродит день-деньской,
Пыль подымаючи клюкой,
От одного — к другому:
«Не он, о Господи, не он!»
И снова слезы, снова стон...
Хоть не ходи из дому.

Кто нужен ей, убогой, кто?
Мелькает серое пальто
И черная косынка.
Чем я могу тебе помочь? —
Молчком поклонится — и прочь...
Прости нас, сиротинка.

1989



СПРОСИ У СЕБЯ

Не тем я, друг мой, озабочен,
Что отшатнулся от обочин
И захлебнулся в тине лес;
Не тем, что и вдали, и рядом
Златые нивы пышут ядом;
Не тем, что белый храм исчез
С холма лазурного и щебень
Сквернит его небесный гребень;
Не тем, что вечная река
Ползет болотами гнилыми;
Не тем, что море — только имя,
А не судьба для степняка;
Не тем, не тем, что свод небесный
Истаял над землею тесной;
Не тем, не тем, что свет живой,
Любвеобильный и творящий,
Над человеческою чащей
Зловещей заволочся мглой...
Не тем, не тем! Но не нарушу
Я тайну правдой нажитой.
Спроси свою немую душу,
В ней воля Истины святой.

1989

* * *

Что в человеке человечно?
Что в нас — от вещей Глубины?
Чтоб совершенствоваться вечно,
Мы быть ущербными должны?
Должны — кому? Сама природа
Жить распрями обречена:
Равны пред мерою исхода
И человек, и Глубина...

1980



* * *

В земном таится неземное.
Свет звездный опочил в пыли.
От запредельного покоя
Невозмутимый сон Земли.

Она не видит и не слышит
Ни наших радостей, ни мук,
И вечным безучастьем дышит
Ее неумолимый круг.

Никто Земли не потревожит
Под властью вечной тишины...
Коснется Истины, быть может,
Тот, кто ее постигнет сны.

1983

БЕЗ СВЕТА

За окнами темно и глухо;
И сам собою пол скрипит;
Теребит кролика старуха,
И под кроватью пес храпит.

От печки пахнет жженой солью;
На стеклах трещинки свистят,
И стайей носятся в подполье,
Свирепо крысы свиристят.

Ну что за демонская сила
Свет, как нарочно, угасила?
При свечке щурься до зари!..
Дыханье огонек шатает,
Трещит светиленка и тает, —
Подольше, милая, гори!



Живи подольше, Лизавета!
Без твоего, голубка, света
Под солнышком не так светло, —
Пуškai в головшке трясуцей
Всего и думы-то на случай:
Чтоб дровяник не занесло,

Чтоб крысы кроля не загрызли,
Чтоб молоко да суп не скисли,
Чтоб не задрог в пути сынок...
Уж то-то радости у старой,
Когда в калитку грянет ярый,
Морозом кованный сапог!..

1986

ПОСВЯЩЕНИЕ В ФИЛОСОФЫ

Мальчик

Вый, звездочка упала!

Первый философ

Не скажи!
Не потакайте старушачьей лжи.
Из галактической лохани вытек
И в воздухе иссяк метеоритик.

Второй философ

Коллега, фи! Ваш призрачен предмет,
Он мозга бред, его на свете нет.
Коснись легонько молотком затылка —
В глазах звезда запольхает пылко!

Поэт

Не верь, дитя, замшелым болтунам.
Иное возвещает сердце нам:
То был полет Икара озорного.

Мальчик

Еще одна! Гляди, упала! Снова!

1978



НИКТО

В.Кунташеву

Никто светил не возводил
На величавые орбиты;
Никто огнем не бороздил,
Не громоздил Земные плиты;

Бесмыслицей небытия
Никто в тоске не возмутился;
Никто не повелел, чтоб я —
Родился;

Никто в сознание мое
Вселенского не внес оплота...
Но — сотворение Ничье
Еще чудеснее, чем Чье-то!

1980

* * *

Не одно, так другое воспрянет —
В зыбкой силе, в неверной красе...
Сердцу внятно, как мир океанит
И в слезе, и в бессмертной росе.

И, за тайной без тайны спеша,
Прозревающе, властно и сиро,
Торжествует, томится душа
Нищетою и величием Мира.

1980



* * *

Д.Ильину

О, если смутная година
Тебя лишит жены и сына
И под землю скроет мать;
Друг нечестиво отречется;
Душа от муки надорвется;
И время устремится вспять;

И дело, что милее жизни,
Ты заподозришь в дешевизне, —
Отчаиваться не спеши;
На всепобедную природу
Не уповай: тебе в угоду
Не воскресит она души;

Одна на свете нам отрада,
За все страдания награда:
Немедля в путь себя готовь, —
Да осенит твой дух смятенный
На Красной площади священной
Державы вечная любовь.

1980

* * *

Жди! Былое всецело воспрянет:
Ты живым его похоронил.
Но того лишь оно не обманет,
Кто по вечному времени жил,
Кто не ценит случайного мига,
Для кого даже смерть — не урон
И кому только звездная Книга
Даст свободу, любовь и закон.

1980



ТАЙНА

Когда студеного чела
Коснешься горькими губами,
Не говори, что между нами
Навеки пропасть пролегла.

Постой, над кем ты слезы льешь?
Над этой падалью смердящей?
Меня ли в ней ты узнаешь,
Я ль пред тобою — настоящий?

Кто я, где я — не знать уму,
И слава Богу, слава Богу,
Что тайна вечная дорогу
Объяла — от Него к Нему!

Не зная, знаньем блещет ум,
Ничтожный — нищетой гордится.
И — поделом ему! — из дум
Лишь дума скорбная родится.

1983





ПРИЗНАНИЕ

Давно ли темен был удел!
Не раз в могилу я глядел
С отрадной мстительной тоскою
И всех высмеивал подряд,
Кто приохотить был бы рад
Меня к житейскому покою.

Не мог простить я будни им!
Лишь тот мне виделся живым,
Кому забота брюха ради,
Весь кропотливый зауряд
Не удручали мирный взгляд —
В укор завистливой досаде.

Как немощный или злодей,
Все сторонился я людей,
Не чаял смысла уж нигде я,
Не знал в гордыне, что пойму,
Любовь и вера почему
Оскудевают не скудея.

1983

СЛОВО

Неразумное, гордое слово
Невзначай я изрек на пиру
Ради шутки, без умысла злого...
Ан родным оно ходит в миру.

Ан дурак-то опасней провидца!
Не ронять бы лихого словца:
Уж как воля его да ехидца
Возмутили умы и сердца...

Уйма спросу, и глума, и прыги!
Семипядных — и тех не унять!
— Да о чем вы, благие, кричите?
— Как сказать... Но тебе — не понять.

1984



ЛУЖАЙКА

Свобода — благо, воля — благодать!
Никто не запретит нам забредать
Тропую тайной в лес воспоминаний,
Где сам собой, не ремеслом хорош,
Где сей слезами — радостью пожнешь,
Где родом ты и смыслом — из преданий.

И вот — лужайка в раменье глухом...
И снова я — с сосулькой «петухом»,
С дуганом-луком, при штыке немецком,
В буденовке да с черною* звездой:
Утыканы портчонки чередой,
А сверх того — репейником соседским.

В окне — сосед: «Мы не лишены, брат!
Не тем богат, чем рад, а тем, что рад!
Воды хочу — подай-ка мне колодец!
Быстрее, не то корзина кулаков
Рассыплется, отвесит тумачков,
А заодно и бабку поколотит!»

Я — к бабушке: ей страхи нипочем!
Сидит в тени и тертым кирпичом
Медь тусклую неторопливо драит;
Поет, голубушка, как суд судил,
Как миленький в темницу угодил,
Как саблею палач его карает...

Горит в руках, зеркально пышет жар:
Сияет и сверкает самовар,
И по малиновым он прыщет кушам
Лучами весело да озорно...
Все это было, было так давно,
Что видится и в прошлом, и в грядущем.

1986

* Буденовки с черной звездой носили конные артиллеристы.



ОЗАРЕНИЕ

Когда б явилась Мира тайна,
Я вряд ли бы сошел с ума;
На миг она, как бы случайно,
Открылась бы — себе сама.

Вихрь закрубился бы над нею
Спасительных словес и числ, —
И стал бы тайны тайн темнее
Разгадки сокровенный смысл!

1987

СЛОВО ИЛАРИОНА

Не меркнут ветхие глаголы,
Поньне древность — злоба дня.
Что им иронии уколы —
Питомцам вешего Огня!

Им нипочем забвенья заметь:
Как прежде — слово бередит!
Душа не помнит и не бдит:
Она сама дозор и память.

1984

МИР ОСЕННИЙ

Мир осенний — смута и морока...
По душе и небо — невысоко...
Мрачный свет ее не тяготит;
Сирота, — куда она летит?

И дорога мчится, и беремя
Мглистых туч несется к бездне той,
Где и наше суетное время
Тоже станет древностью святой.

1987



СВЕТЛИЦА

Где бредил я Жар-птицею
Под ивой над прудом, —
Высокою светлицею
Сияет мирный дом.

Окно, заре открытое,
Вьюном обволокло;
Чуть зыблется разбитое
Румяное стекло

И отблесками красными
Светлица взор зовет,
И вечерами ясными
В ней девушка поет:

«Из облака туманного
Звезду не увидать.
Взглянуть бы на желанного —
И можно умирать!»

Та песня пала думою
На гулевой народ:
Век щеголи угрюмые
Маячат у ворот.

Кто розами бросается,
Кто клятвами... Беда:
Не видывал красавицу
Никто и никогда!

У дома бродят стаями,
Готовы лезть в окно!
Не девами ли старыми
Невесты их давно!..

Сирень благоуханную
Им до могилы рвать...
Взглянуть бы на желанную —
И можно умирать!

1985



ТАК БУДЕТ

Края, века, небесные объятия,
Двуликой мысли власть...
Язык не повернется для проклятья,
А можно бы проклясть!

Вся сволочь мира!
Вся земная падаль!
Все — кости нам глотать!..
Не грех и призадуматься: да надо ль
Спасать и сострадать?..

Европы нет — ей мрачным стыть Эребом!
Остервени, прельсти кубанским хлебом,
Над Волгой хуторком, —
И вновь, и вновь, и вновь, и вновь,

и снова

Нам избавлять придется кровь и слово —
Заветом и штыком!..

Но никого в беде мы не бросали,
Чужие для родных;
Мы их спасем, как тыщу лет спасали,
Мы их спасем —
От них.

1985







МИКУЛА

Дума-даль!
Лютуют рати
В Диком поле, — дело свято:
Что ни воин — брат на брате,
Что ни схватка — брат на брата!..

Чай, сердца-то не из воска:
Славно землю меч кровавит!..
То одно ликует войско,
То иное Бога славит.

Рев и гром! Над головами,
Над рысчучими полками —
Красно солнце с маревами,
Со теплыми облаками.

Ломят, рвут, мозжат, кромсают,
Черепу вгоняют в плечи..
Ночью вещей — воскресают
И наутро снова в сече!

Почему они в раздоре —
Уж давно никто не знает..
То одна дружина в горе,
То иная Бога хает..

Над лихими булавами,
Над хмельными бунчуками —
Красно солнце с маревами,
Со теплыми облаками.

Тут из дремного-то лесу
Да Микула скачет грозно:
«Что за дурни тешат беса?
С глаз долой, пока не поздно!



Мне пахать и сеять надо!»
Вмиг рассеялась громада:
Эта рать покою рада,
И другая хочет лада.

Над родными муравами,
Над златыми колосками —
Красно солнце с маревами,
Со теплыми облаками.

1986

ОЗОРНИК

Ты старичок-моховичок!
Сморчок! Гороховый стручок!
Ты дядя Федя-вредя!
Ты руки с мылом не умыл,
Махоркой кухню задымил...
Зачем убил медведя?

Все медвежата пропадут!
Вот вырастут — тебе дадут
За своего-то папу!..
Не трогай: это стулик мой!
И папа мой! Езжай домой —
Не будет ночью храпу.

Ты, папа, с ним не пей вино!
Лошадка вон глядит в окно:
В деревню ей охота...
Ой-ой, я с вами не дружу!
Ружье-то где, и не скажу:
В колодце ружьецо-то!

1978



АНТЕЙ

Дай ты, воля вольная,
Поозоровать:
Силушку без разума
Некуда девать!

Яр досужим помыслом,
Поступью крылат,
У ворот Антеевых
Крутит ус Геракл.

Нет бы пашню ладную
Лемехом ласкать —
Любо поединщика
Молодцу искать!

«По невеже здравица! —
Пристращал Антей. —
Падернику-ворону
Не собрать костей!»

Друг на друга грянули,
Сшиблись у ручья...
Корчат и коверкают —
Не берет ничья.

Кто не рьян подначивать?
Крик стоит в селе:
«Силы-то прибавится:
Припади к земле!»

Простонал Антеюшка:
«Ну и дураки!
Не марать же грязью мне
Новые портки!»



Шелка, чу, китайского
Нету ни на ком!»
Ах! — и под Геракловым
Рухнул кулаком!..

То же время тянется,
Хоть и день инак...
Не по оку знаменье —
Так по глазу знак.

1986

БЕДА

Был, братья, год... Пылала синева,
Листва дымилась, и река горела,
Чадила и топорщилась трава,
И пыль седая на дорогах тлела.

Над городом уже который день
Сверкало солнце — ярко и космато.
Где мрак ночной? Где трепетная тень? —
О Боже, ни рассвета, ни заката!

О Боже, вечный полдень, лютый зной!
В колодцах грязь, и трещины в канавах.
С тоскою неизбывной и виной
Народ теснился в храмах златоглавых.

Юрод Николка, бес его замай,
Страшал Исуса батоном огромным:
«Не жадничай, водицы ковшик дай!
Зачем нам свет? Во тьме живет темным!»



Все вторили безумцу... И тогда
Вдруг солнце вздрогнуло и исказилось...
На миг угасло... и опять явилось —
Как бледная, как жалкая звезда!

И вихрь студень прятнул и завыл
Над городом незримым, обомлелым,
И снегом он да инеем повил
Всех нищих духом и скорбящих телом.

И злобный вопль, и горький плач, и стон
Предсмертный — вознеслись из черной выюги,
И заунывный колокольный звон
Потряс тоской чертоги и лачуги.

И грянули повсюду топоры,
И рухнули ворота и заборы,
И вспыхнули на пустыре костры,
Как будто огнедышащие горы.

И люд столпился... Грозен и угрюм,
Суровый князь, неустрашимый витязь,
Вскричал: «Так вот вам за кичливый ум!
Падите ниц, несчастные, молитесь!»

И все покорно славили Христа,
И слезно о спасении молили,
Но лишь мрачней зияла высота,
И, надрывая душу, псы скулили...

В полях окрестных — света благодать,
А город — словно туча грозовая,
И радуга над ним вратами рая
Сияет... Но доколе ей сиять?

1989



ТРОСТНИК

Мерцают ветлы над пенной львой.
Камням не спится от крика чаек.
Волной зеркальной, волной ленивой
Тростник дремотный, тростник качает.

Над тиной стебли — тоска над скукой.
Парить ли в небе, тонуть ли в иле?
И призрак мысли им был бы мукой,
Как жизни чувство для нас в могиле.

Ни упования, ни укоризны.
Не сам он зыбок, не сам он гнется.
Не смеет он смеет не дольше жизни...
Он не погибнет — он в смерть вернется.

1985

СТАРИКИ

Дедов-то сарай от годов ослаб.
Бремя для него дождичка накрап.

Ветер полыхнет — старине беда:
Охнет, закряхтит!.. Куры — кто куда!

Дед нахмурил бровь: «Мда, пора на слом».
Стену потолкал — и подпер колом.

1975



МЫСЛЬ

Что там — за синею завесой,
Что там — за мрачной пеленой,
За пылью звездною белесой,
За беспредельностью пустой?

Что там — за мыслью дерзновенной,
Что в ней, что вне ее? Она
Для жизни долгой иль мгновенной
Щедра чрезмерно и вольна.

Недаром чаешь продолженье
Очарований и тревог:
В ее счастливом постиженьи —
Иного поприща залог.

1980

НЕСЧАСТНЫЙ

Ну скажи мне, как тебя любить? —
Ежели тебе никто не нужен!..
Даже и того, с кем кровно дружен,
Ничего не стоит оскорбить!

Не скажу, что нет в тебе стыда:
Ты себя отнюдь не уважаешь;
Неужели всех ты обижаешь,
Чтобы совесть чувствовать всегда?..

1983



* * *

Анатолию Новикову

Ничем я тебя не порадою,
Мой верный единственный друг:
Как будто я выпал — и падаю
Из чьих-то властительных рук.

Но брошен я не в наказание,
Хоть жизнью его заслужил:
Все ярче, все глубже сияние,
И кровь не покинула жил.

Ни страха, ни злобы. Таинственной
Влеком я, стремим я рекой.
Вот станет такую неистойой,
Что вдруг... превратится в покой.

И я — без восторга, без жалобы —
Пристанище духу найду,
Где грозно пучина пылала бы
Мне прежнему — с миром в ладу.

Пока же — напрасною мукою
Тебя изводить не хочу:
Ведь вечной с тобою разлукою
За волю свою заплачу.

1981



МИГ

Ах, Боже мой, какая тишь,
Как светел мир воскресный, —
Как будто ангелом летишь
По пажити небесной!

Как будто умер — и воскрес
Иль только что родился!
Пестреет райской кушей лес,
Где рок мой заблудился.

Вдали сверкает и гремит.
Неметь — невыносимо,
Но жаль, что первой зашумит
Иудина осина.

Все ближе блеск, все чаще гром —
Звериный голос века.
Мотает провод над бугром
Унылый столб-калека.

Снуют над головой моей
За вестью весть — быстрее, быстрее!
В земле горюют предки.
Как странно радоваться ей, —
Ей, жизни-людоедке!

О да, за мыслью мысль снует,
Душа парит — как прежде!
Кузнечик в лозняке кует,
И очарованно поет
Сигнал на переезде.

1992



* * *

Погибать нам не впервые,
Велики грехи-долги.
У России враг — Россия,
Сами мы себе враги.

Наш соблазн самоубийства
Искони неукротим.
За безмолвье, за витийство
Мы себе нещадно мстим.

...Над повседневностью мертвящей
Никто судьбу не возносил,
А кто дерзал, тот в скорби вящей
У Бога милости просил.

1991-1992

КРАЙ

Все погибло: любовь и семья.
Блекнут знаки судьбинного свитка.
Бесшабашная удаль моя,
Ты залог и утрат, и убытка.

Что ни дума — авось да небось,
Покуражиться — милое дело.
Брось,
Надоело!

Отчий угол! — я с ним расстаюсь;
Не припомню, когда улыбался...
Над собою, над миром смеюсь...
А Христос никогда не смеялся.

1992



СОСЕДКЕ

Ты бродишь среди гулен и торгашей,
Царапаешь камня лыжной палкой.
Что им до черной старости твоей
И что тебе до их корысти жалкой?

Очки с резинкой, бурое пальто...
Пустая торба, валенки в галошах...
Что знаешь ты — не ведает никто,
А сколь кругом пригожих да хороших.

Глядишь в глаза — как в небеса глядят
Из-под руки на пристальном закате,
Когда святые облака летят
И тает город в тишине и злате.

Сворачивают с твоего пути,
Сторонятся брезгливо и сердито.
Для них уж ты не человек почти,
На свете ты лишь Богом не забыта.

Мать гордая и добрая жена,
Тебя печалью доля осенила:
Счастливица, ты всех пережила,
Страдалица, ты всех похоронила.

1992

МОЖЕТ БЫТЬ

В этой гиблой кладбищенской жути
Лишь проклятья срываются с губ.
Вор царит во вселенском закуте,
На трибуне — подлец или труп.

Все едино: безмозглое вече —
Иль избранники тщетной судьбы.
Все равны: антихриста предтечи —
И хулящие Бога рабы.



Все мы, все в беспощадном ответе:
Ни единый Россию не спас.
Мир вам, бедные милые дети!
Только вас мне и жаль, только вас!

Вы одни в сатанинском испытании
Не зверели в слезах и крови,
Вы одни, может быть, нас простите
У Престола Добра и Любви.

1992

НАВЕКИ

Я безумец своевольный,
Ты немой толпы раба.
На глухой тропе окольной
Разлучила нас судьба.

Голову не ветром полною
И былым живу я, но
Голос твой уже не помню
И лицо забыл давно.

Все забыл — глаза и губы!
Снятся вьвявь одни в тиши
Наши братья-душегубы,
Наши дети-торгаши.

Разве что в ночи бессонной
Или в горестном хмелю —
Жалкий и неугомонный,
Память о тебе люблю.

Бес и ангел за плечами
Мне еще равно близки.
Ты печаль моей печали,
Ты тоска моей тоски.

1992



ВО ТЬМЕ

Сиянье дрожит на полу,
Печурка трещит золотая.
Под смутной иконой в углу
Мерцает лампада святая.

Над ликом возносится лик
В немеркнущей славе и блеске.
Пузырит сквозняк занавески.
Вздыхает на койке старик.

На пламя глядит старина,
А в пекле клокочет клубками,
Шипит и скользит с чугуна
Вода кружевными рывками.

И пахнет лавровым листом,
Укропом и чем-то знакомым...
И брезжит незримо над домом
Зияние в небе пустом.

И некий томительный звук
Бедняга нечаянно ловит,
И немощный только испуг
Исходу во мрак прекословит.

В трубе и гудит, и гудет,
И кто-то по горнице бродит...
Звезда незакатно восходит,
Но солнце уже не взойдет.

1992



СТАРИК

Сижу и плачу, вот беда,
Сижу себе и плачу...
И голова моя седа,
И ничего не значу;
И в захолустье одинок,
И, может быть, в столице;
И рвут родную из-под ног
Кромешники землицу;
Они хотят народ свести
До времени в могилу...
И некому меня спасти!
Так дай же, Боже, силу
Унынья бездну превозмочь,
Отринуть духа злобы,
Пошли мне ангельскую ночь,
Тебе молиться чтобы!
Ты знаешь: я в мирскую тьму
Иду, с Тобой не споря,
И не желаю никому
Ни гибели, ни горя.
В Твоих руках моя звезда,
Но свет мой сам я трачу;
Прости меня, что иногда
Сижу один и плачу.
Пускай ты, Господи, суров,
Твои так щедры лозы!
Прости, из всех Твоих даров
Остались только слезы.

1994



ОСЕННЯЯ ЖАЛОБА

Что ж вы такие, деревья:
Нагие да кривые?
Что ж ты такая, мурава:
Мертвей не знал травы я.

Да что же сам-то я какой:
Усталый, поседелый...
О милосердный Боже мой,
Что-либо с нами сделай!

Ты видишь, как живетя мне
В моей презренной плоти:
Пусть по своей тщете-вине,
Не по своей охоте.

Мирской я сласти не ищу,
Твоя мне милость слаще.
В Твоем сиянье трепещу
Я в человечесьей чаше.

1994

* * *

Не вопрошай, не искушай:
Вопрос вопросу отзовется;
Так издевается, смеется
Над нами эхо то и знай.

Кто от себя свободен, кто
Не дорожил своей неволей?
Мы вечно слышим только то,
Что нам хотелось бы — не боле.

Чего хотим? Зачем хотим?
Мы всем богаты, а не рады;
И требовать себе награды
За жизнь у жизни норовим.

1980



НОЧЬ

Луна. Безмолвие. Мороз.
Мгла обволакивает ленью.
У мертвого подъезда пес
Играет со своею тенью.

Сияет, сеется снежок —
И невесомый, и прозрачный,
Да изредка в дыре чердачной
Постанывает голубок.

И сон глубокий, и высока
Луна, и сосны белоглавы,
И отрешенно-далека,
Черна дорога — вдоль канавы.

Лед мутно в колесах блестит,
Хрустит отрывисто и тонко:
Бредет по мостовой мальчонка,
Один топочет-топотит.

Мороз. Безмолвие. Луна.
Угрюмы каменные соты.
О дух сиротствующий, кто ты?
И чья тебя влечет вина?

Проклятия мне слать кому?
Ждать от кого отрадной вести?
Не лучше ль удалиться вместе —
Во тьму!..

1992, 1994



КРЕСТ

Лежу в постели, как живой,
А вдалеке собачий вой
Да дробот железнодорожный.
Свет судорожный на стене...
Спешит бессонница ко мне —
Глухой тоской, тоской острожной.

Поторопись, такая мать:
Могу я сдуру не узнать,
Принять могу за сон похмельный.
Зря ты, голубушка, пришла:
Уже спалил меня дотла
Стыдом жестоким крест нательный.

Ищи себе другую сыть!
Сим пеплом голову посыпь,
Коли еще не безголова,
И слез отчаянья не жди:
Распят я на своей груди —
По праву сторону от Слова.

1994





ДЖОН

Он имя свое разлюбил —
В угоду пришельцам незваным.
Он Джоном назвался, а был
С крещенья святого Иваном.

И он на низжайший поклон
Пришел к настоящему Джону,
И тот ему дал миллион —
За бабушкин крест, за икону.

Мать даже рубля не взяла,
И сына она не узнала:
«Я Ваньку в войну родила,
А Джона вовек не рожала».

Он к детям... Ворчат сыновья,
Поносят отцову обнову:
«Иванычи мы: брат и я.
Ступай подобру-поздорову».

Он шапку в охапку — и в путь.
В конторе чиновники жмутся.
«Хочу свое имя вернуть!
Хочу в свое имя вернуться!»

Пеняют ему: «Простота!»
Смеются бумагомараки:
«Есть, кроме тебя, без креста —
В Иванах теперь Исааки».

Эх, Джон, чужеземец родной,
Вольготно ль тебе с барышами?
Он махом в вонючей пивной
Мильон просадил с алкашами.

И в церковь под нудным дождем
Поплелся он, шаркая тяжко.
Авось пред Небесным Вождем
И вымолит имя, дурашка.

1994



СМЕРТЬ ПЬЯНИЦЫ

Они его убили в воскресенье,
Чтобы воскреснуть никогда не смог.
...Он пил всю ночь, дурел до озверенья,
Валился с ног,
И ползал, и вилял костлявым задом,
Орал: «Броня крепка!...»
Ох, зла была «Зубровка» из «чепка»,
И лимонад шипел в стакане гадом.
И в боязливой бдящей тишине
Он кулаком дубасил по стене
Для вящего соседского испуга,
Стучался и ломился в дверь к жене:
«Я муж или не муж, подлюга?»
И рухнул, захрапел он на заре
От сигареты на дыре
В ковре.

Очнулся... Свет какой-то из окна...
В штанах мокро... В блевотине сорочка...
Глазами поворочал: «Тю, жена!
И ты здесь тоже, дочка-квочка?
Ну вот, прости... Я дуралей, ей-ей!
Какая ты... какие вы, однако...
Будь человеком, хоть стопарь налей!
Потратишься, коль сдохну, как собака...»
В ответ жена: «Даю в последний раз!
На, лопай! Не трясись, прольется стопка!»
Одна с него не сводит мертвых глаз,
Другая отвернулась робко.

Взял, содрогнулся... «Ласточка моя! —
Зажмурился. — Люблю тебя недаром!»
И выпил залпом... Смертная струя
Огнем его пронзила ярым.



«А-а-а!» Он вскочил, он всклокотал нутром,
Шатнулся, под диван запнул бутылку,
И — на жену! Но дочка — топором
С размаху по плешивому затылку!..

А дальше что? Шел ветер по кустам,
Брел, матерясь, по ветру участковый,
Да радио хрипело где-то там
О жизни вольной, жизни новой.

1994

ДУМА

О сербах думаю всечасно,
Еще я духом не угас.
Нет, их боренье не напрасно:
Не только за себя — за нас!

А мы... Без жалобного зова
(Для недоумков — невзначай)
Сместилось поле Куликово —
В лазурный край, на жизни край.

Враги у нас одни и те же,
Единый нам сужден венец,
Но слышим стон родных сердец
Мы все безропотней, все реже.

Что ж, до архангельской трубы
Нам древние крушить обеты?
Осляби мы и Пересветы
Или Мамаевы рабы?

1994



НИГИЛИСТИЧЕСКОЕ

Ничего, мы еще поживем
Под пятой, под ярмом иль под игом!
Верим лишь святоотческим книгам,
А другие, дай срок, и порвем.

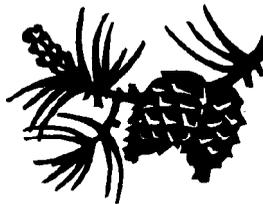
Как же быть, если дело табак?
Наслюнявим из них самокруток!
Может быть, и повыкурим так
Душегубов, ворюг, проституток...

Кроме шуток, на что они нам?
Жизнь без пыльных томов мы любили.
Нашим дедам, отцам и сынам
В оно время они помогли ли?

Духовидцы, пророки, вожди!..
Ах, оставьте, в себе вы не вольны.
Если что-то и есть впереди,
Оно видится лишь с колокольни.

С колокольни, где ветер и свет
Да звонарь, громыхающий медью.
Вот куда мы пойдем на совет,
На поклон к роковому наследью.

1994







МЛАДЕНЕЦ

Он родился и сказал:
«Это я!» — и засмеялся.
Мать заплакала навзрыд,
Закрестилась повитуха.

Долго-долго он смотрел
На окно из колыбели,
Брови хмурил и вздыхал,
А потом уснул навеки.

Чернь гудит на площадях,
Вслух дивуется-дивится:
«Ишь ты, чудо во дворце,
Сам родился — сам и помер!»

А младенец во гробу
Почивает равнодушно —
При нахмуренных бровях
И с улыбкою блаженной.

1994

ОТСУТСТВИЕ

Памяти матери

Как знаменье — отсутствие твое!
Где б ни был я — прощальной пахнет глиной...
Над соловьиной Чуровой долиной
Картавое кружится воронье.

Простить меня, проститься ли со мной —
Ты не смогла в тоске неодолимой...
Чу, ветер ночной, заморский гость шальной,
Поет в трубе и плачет как родной,
Родимый!..

1985



ДРЕВО

Когда, равнодушно ощерясь,
Глухая бетонная ересь
Восстала на небо мое,
Наш дом неуютный и ветхий
Пустил вдруг и корни, и ветки, —
Листвой восшумело жильё!

И вот, никому не в укор,
Хранит поневоле простор
Бессонного древа мерцанья;
В его неподвижной тени
Я жду августейшие дни
Всеведенья и прорицанья.

1984

ТРАВА

Есть ощущение покоя,
А самого покоя нет.
Немую зелень под рукою
Колеблет животворный свет.

Медлительно, бесповоротно
Восходит в небеса трава,
И звезды внемлют ей охотно,
В мои облечены слова.

1994



УХОД

Не жди, я не вернусь,
Покуда мразь и гнусь
Злорадно миром правит.
На что мне этот мир,
Где правый наг и сир,
Где чернь наживу славит!

Я не вернусь, не жди!
В обитель уходи,
Живи духовной пищей.
Не мать и не жена,
Зачем ты мне нужна?
Зачем тебе я — нищий?

Не сетуй, не зови!
Ни слова о любви:
Что мне томленье плоти?
Вот Бог, а вот порог!
Котомка да батог,
Лишь вы меня поймете.

Привет вам, пыль и грязь,
Дорог и тропок вязь —
Моя отныне доля.
Я был, я есть — и все ж
Душе дороже дрожь
Былинки в диком поле.

За тайную между
Навек я ухожу,
Никто не остановит.
Я всюду — я нигде!
А родина везде,
Где слух молитву ловит.

1994



У КОСТРА

Дороги медленной стремительны зигзаги.
Простора отчего враждебен окоем.
Кто там топорщится зловеще на коряге?
Бес? Нищий? Все равно: я позабыл о нем.

Безлюдье дремное заволокло туманом.
Невольно праведен в святом лесу ночлег.
Усталая душа верна земным обманам,
Я ею пренебрег — я, вольный человек.

Как все, я одинок, и только в том отрада,
Что, не в пример другим, об этом знаю я.
Любовь? Богатство? Власть? Мне ничего не надо.
О славе помышлять — забота не моя.

Сидеть бы целый век у речки говорливой,
Да чтоб сосновый дух и шум с окрестных гор!
Кто смеет говорить о жизни несчастливой?
Не счастье ли глядеть в сияющий костер?

Лик пламенный его... Ликующие искры!..
Как будто смертный грех испепелен в огне!
Путь вечен предо мной, но благодатно быстры,
Мгновенны Божьи дни, дарованные — мне.

1994





ГОЛУБОК

Где твой дом, бродяга?
— На краю земли,
Да пришла бумага:
Пишут, что снесли...

Тяжко в передрыге,
А рука легка:
Я из той бумаги
Сделал голубка.

Мало ему света,
Волюшки земной:
Вот уж третье лето
Он летит за мной.

Надоел, проклятый,
Спрятаться бы где!
Как закон крылатый,
Он со мной везде.

Но ему я или
Не прерву полет?
На моей могиле
Скоро отдохнет.

1994



НЕ ГОВОРИ

Не свет мне белый опротивел —
Им помыкающая мгла.
И я тебя не осчастливил,
И ты мне счастьем не была.

Не полагались мы на случай,
Да все случилось невзначай.
Напрасной памятью не мучай,
Надеждою не обольщай.

Воспоминаний, упований
Сродни туману череда.
Какие песни мы певали!
Уже не спеть их никогда.

Давно безмолвно или немо
Бредем по разным сторонам,
Но Судный день Господня гнева
Встречать придется вместе нам.

Иль ангелы протянут руки,
Иль адовы нетопыри...
О ненавистной мне разлуке
Не говори, не говори!

1994



НАКАНУНЕ БЕССМЕРТЬЯ

Край кабальной свободы
Полонило былье.
Молодчества годы,
Вам проклятье мое!

Мог без разума сметь я.
Миг любви, воли час,
Накануне бессмертья
Проклинаю я вас!

Наугад, без расчета,
Без боязни благой
Жил я... Или же кто-то
Дорогой, но другой.

Хочешь вечную пытку —
Верь в свою ты звезду.
Не гляжу на калитку,
Никого я не жду.

В дом примчалась дорога,
И уже вдалеке
Жизнь стоит у порога
В васильковом венке.

1995



ОТВЕРЖЕННЫЙ

От былой моей гордыни
В голове полынный чад.
Я как царь ходил, а ныне
Даже шлюхи сволочат.

Ни во что меня не ставят
Стародавние друзья:
Насмежаются, лукавят...
Или я — уже не я?

Пусть я нищ, как пес бездомный,
А из них любой богат, —
Все мы властью вероломной
Ввержены при жизни в ад.

В ад бессильной злобной скорби,
Мстительной слепой тоски.
Лишь предатели в восторге,
Прихвостни да дураки.

Нынче с жизнью бьемся розно;
Ничего: под волчий вой
Все мы, рано или поздно,
По миру пойдем с сумой.

Вне Христа, под чуждым гнетом
Мы рассеемся без сил
По лесам и по болотам
Вереницею могил.

Только Трубный Глас разбудит,
И вздохнет небесно грудь...
Неужели так и будет?
Вам такой желанен путь?

1995



ПРИХОДИ

Я люблю тебя давно.
И за что мне мука эта?
Приходи, когда темно,
Буду ждать тебя до света.

Приходи, я говорю
Без подвоху, без обману!
Хочешь, браги наварю,
Если вдруг дрожжей достану?

Ничего, что не терплю
Пьяных я — бесстыжи больно...
Я давно тебя люблю,
Хоть родня и недовольна.

Ночью приходи, не днем!
Не томи ты, вражья сила!
Всю крапиву под окном
Я вчера еще скосила.

1995

ЗВЕЗДЫ

Я, у отчаянья на дне,
Гляжу на звезды в тишине,
Незряче я смотрю на них,
Как смотрит мертвый на живых.

Их предначертанный полет
Отрады духу не дает:
Когда б нарушился их лад,
Милей мне стали бы стократ.

1995



СОН

На холме, в зеленой тьме
Нелюдимо ветер дышит;
Вспоминая о зиме,
Он черемуху колышет.

А она-то, а она —
Снега первого белее.
Дремлет девушка под нею,
Даже и во сне грустна.

Не смуют ее покой
Шум далекий городской
И глубинный гул небесный.
Юной статью хороша,
Дремлет русская душа
В знойный полдень, в день воскресный.

Что ей видится во сне?
Только Бог ответит мне —
Или мне тот сон приснится.
Дремлет на бедре крутом
Тютчева старинный том,
И закладка шевелится.

Что ни снится — все ее.
Не забвенье — забытье:
И сквозь дрему явь любима.
Вся она — в красе своей,
Но морщинка меж бровей
Глубока неизгладимо.

1995



ПУРГА

День уходит в память глухо.
И метет пурга, и вьет.
Зло сморкается старуха
И лопатую железной
У сумятицы подъездной
Лед запыханно скребет.

Мимо — тень походкой шаткой:
С матерною правдой-маткой
Ковыляет дед-сосед.
«Не житье в России деду,
Завтра же в Чечню поеду, —
Фронтовик я или нет?»

А метель и вьет, и крутит,
Свет фонарный рвет и мутит.
Вой и посвист в вышине.
Мельтешит во тьме небесной
В снежном вихре прах словесный —
О России, о Чечне...

Чрево улицы пустынной
Раздирает рев машинный.
Голове моей повинной
Мысль о гибели близка.
Высь бушует, снег трепещет,
И лопата зло скрежещет...
Мрак, безлюдье и тоска.

1996



ПУТЬ

По молодому льду
Без удержу иду, —
И гнется он певуче.
Тростник шуршит мертво.
В округе — никого,
Лишь воронье да тучи.

Даль памятью жива:
Печали синева
Прозрачна за излучкой.
Где валуны и мель,
К сосне прильнула ель
С отчаянною мукой.

Скользит за шагом шаг.
И треск, и звон в ушах.
Крепчает ветер встречный.
И чудится: вот-вот
Мой вольный вздох прервет
Дыханье жизни вечной.

1995

РОМАНС

Быть может, я тебя еще прошу:
Господь велит, да и на сердце тяжко.
Ну а пока не каюсь, не грущу,
И в гневе не разорвана рубашка.

Прошу, быть может... Только не тебя:
С другим ты перестала быть собою.
Прошу, ни презирая, ни любя, —
С закушенной в обиде лишь губою.

Себе ты изменила, а не мне,
Жаль только, что уж не найду я, кроме...
Безумный вихрь несется по стране —
Измены дух, как пламя по соломе.

1996



В СВЯТУЮ ЗЕМЛЮ

Луны светился четвертак,
А под луной сидел казак,
Такое дело.
Он мирно трубочкой пыхтел.
И только в хату захотел —
Зашелестело.

«Собака блудная, чи шо?
А, гость незваный! Хорошо.
Входи во двор-то:
В кустах крапивно, гостенек».
Хозяйка взмыла на порог:
«Какого черта?

А ну-ка, с глаз моих долой!
Развейся во поле золой,
Проклятым прахом!»
Казак жене: «Захлопни рот!
Пускай незваный отдохнет...
И выпивахом».

Хозяин гостя — пальцем в грудь:
«Куда, дурашка, держишь путь?» —
«В Святую землю.
Господень гроб узреть хочу». —
«Отведай прежде первачу,
Дай волю зелью!

Не пьешь?.. Явился почему ж?» —
«Твоей жены я прежний муж,
Зашел проститься». —
«Ах, вот что! Ладно, коли так.
Не друг ты мне, но и не враг.
Прошу садиться.



Точить я лясы не люблю,
Пойду тебе я постелю.
Все человеки!» —
«Нет, не останусь и на час:
Не дай Господь, поссорю вас —
Да и навеки!» —

«Прощай и зла не помни, брат!
Вот каравай да сала шмат, —
Поешь без соли.
Тебе и так я насолил...
За нас, придя в Ерусалим,
Молись поболе».

Побрел паломник. У окна
Всплакнула прежняя жена:
Бедняжка пальцы
Сковородою обожгла.
Казак вскричал: «Гори дотла!
В окно не пьяйся!»

*

Плетется странник налегке
К Пучай-реке, к Печаль-реке
В сердечном стоне.
Чу, близится стук-перестук...
И окрик с посвистом... А вдруг
За ним погоня?

В кусты бы — ни кусточка нет!
Неужто из-за трех монет
Сейчас прирежут?
Паломник напрягает зрак...
Да уж не женин ли казак
В пылище брезжит?



Он самый! Скачет, словно бес.
Ахти, ружье наперевес!..
Сколь в Сивке бегу!
Врос в землю с маху жеребец, —
Вскричал казак: «Святой отец,
Давай в телегу!»

Котомочку на сено брось.
Помчимся — задымится ось,
Затлеет сбруя!
Коль не с молитвой, так с мольбой
В Святую землю, брат, с тобой
Навек уйду я!» —

«Помилуй Бог, а как жена?» —
«Тебя же предала она —
И мне изменит.
От злобы затряслась, змея:
Зачем тебя приветил я, —
Аж губы пенит!»

*

Тростник шуршит без ветерка.
Маняще пламенна река.
Мир миром полнит.
И тут, свирепо-весела,
Из плавней прянула стрела, —
Пропал паломник!

Вздыхнул — и закатил глаза.
Заволокла его слеза
И синь, и зелень.
Пророкотал казачий бас:
«Вот и пришел один из нас
В Святую землю».



Копал казак до темноты,
С молитвой поменял кресты,
И над могилкой
Он смертную свою тоску
И злое колотье в боку
Залил горилкой.

На холмик осталь расплескал
И жеребца запонукал, —
Ядрен овес-то!
Спешит казак в Ерусалим,
И неизменно перед ним
Голубка вьется.

1997

НОЧНОЕ

Люблю в тиши ночной
Часы уединенья,
Когда весь мир со мной —
Небесный и земной.

И продлеваю я
По прихоти мгновенья —
И ты раба моя,
Тоска небытия!

Мелькнет ли свет в окне,
Услышу ль дальний поезд,
Иль ветер в вышине
Заплачет обо мне, —

По нищете моей
Забвенья удостоясь,
Я вольного вольней
Как бы за гранью дней.

1994, 1997



МАРТ

Стаю галочью вихорь метет.
По одежке — студено и знобко.
Вислозадый автобус бредет
Меж колдобин и наледей робко.

Эх, поземка, змеись и ползи,
Ком газетный, блуждай у киоска,
Луч прощальный, глаза нам слези,
Сейся, серого снега известка!

В мертвой бездне зари полоса,
И пещерно сосульчаты крыши.
Дремлют на колокольне леса.
Взоры треплют рванину афиши.

День умчала ватага собак,
Канул город иголкою в сене,
Лишь сияет коммерческий банк
Ослепительно окнами всеми.

1997

В САДУ

Ни встреч, ни свиданий не надо:
Вернет лишь разлука домой.
Душа опустевшего сада
Не властна уже надо мной.

Довольно случайного взгляда
На чахлый кустарник сквозной.
Надежнее тайна разлада
Доверчивой страсти шальной.

Одна нищета не обманет, —
Что нищему духом мечта?
Не даль необъятная тянет —
Затягивает пустота.

1997



ПИСЬМА

Т.Зайцевой

Есть такие у нас почтальоны,
Что нельзя нам с ума не сойти,
И один лишь министр обороны
Нас от них был бы в силах спасти.

Взять меня: дом купил я, вселился;
Только грузчики с песней ушли, —
Трепыхнулся звонок и залился:
Телеграмму мне приволокли.

Тьфу ты, мне — и не мне. Через силу
Почтальону я не нахамил.
«Мира 10 Шпаку Михаилу»?
А какой из меня Михаил?

Что ни день, как по тайному знаку,
Писем вихрь в захолустье лесном!
И везло же Шпаку или Шпаку:
Целый месяц — письмо за письмом.

Я твержу: «Нет былого владельца
Или, если хотите, жильца:
Помер он иль куда-либо делся.
Не ходите ко мне без конца».

Но на почте умеют кудесить —
Словом давят, как будто свинцом:
«Это улица Мира, дом десять?
Получите — и дело с концом».

С колыбели о письмах мечтаю
От каких-то Ковригиных Оль!..
Получаю, со скуки читаю, —
Если дело с концом, то изволь.



Пишет Оля: «Заехал куда ты!
О свидании думать смешно:
На дорогу не хватит зарплаты,
Да и денег не платят давно.

Тяжко мне в этой одури пошлой,
Нужно сердце иметь из кремня.
Как ты там: не гуляешь, не пьешь ли,
Вспоминаешь ли, милый, меня?»

Как же, вспомнит бродяга залетный!
Отовсюду исчез невзначай
Он со всею своей подноготной, —
За него, дурака, отвечай.

И отвечу! Не стану я милым
Для нее, так себе-то я мил!
Не бывать мне вовек Михаилом,
Но по отчеству я Михаил.

Отвечаю: «Строчишь ты впустую:
За бугор усвистал твой прохвост.
Не тревожь мою жизнь холостую,
Ненавистен мне страсти хаос».

Мне она: «Я конверт целовала!
Напугал меня розыгрыш твой.
Не горюй: на билет я достала,
Распрощаюсь навеки с Москвой».

Оля, Оля, что делать с тобою!
Боже, что Ты со мной сотворил!
Пол я красил и клеил обои,
Пылесос за неделю спалил.



Изождался ее я до дрожи.
Увидал — хоть за сердце держись.
Что за диво — ни кожи ни рожи,
Но дороже ее только жизнь...

Всей душою я к ней устремился.
Мудрено ее лепет понять:
«Как ты, миленький мой, изменился —
Посерьезнел, совсем не узнать!»

Хорошо под одною нам крышей:
Даже ссоримся мы по любви.
Назвала она первенца Мишей, —
Наплевать, хоть горшком назови.

1997

ЖАР

О Господи, жары какие!
В тени древесной — как в печи.
Еще мгновенье — и мирские
Иссякнут навсегда ключи.

Уж сердце сушит зной великий.
Земля в беспамятстве, над ней
В бойницах облачных кремлей
Пылают ангельские лики.

Жизнь — затянувшаяся казнь,
Самой себя преодоление
И суеверная боязнь
От ноши крестной избавленья.

1998



ПРИВЕТ МОСКВЕ

Тебе привет, столица мрака, —
Дар преданной тобой любви!
К себе меня ты не зови:
Давно уж мы живем инако —
Я на слезах, ты на крови.

Живем — как смеем и умеем:
Свобода — гибель, счастье — вздор!
Ты срам России и позор,
И грош цена твоим затеям.

Спрошу ль, куда меня несет?
Гораздо мне важней — откуда!
Уж если Бог меня спасет,
Спасет Он от тебя, иуда.

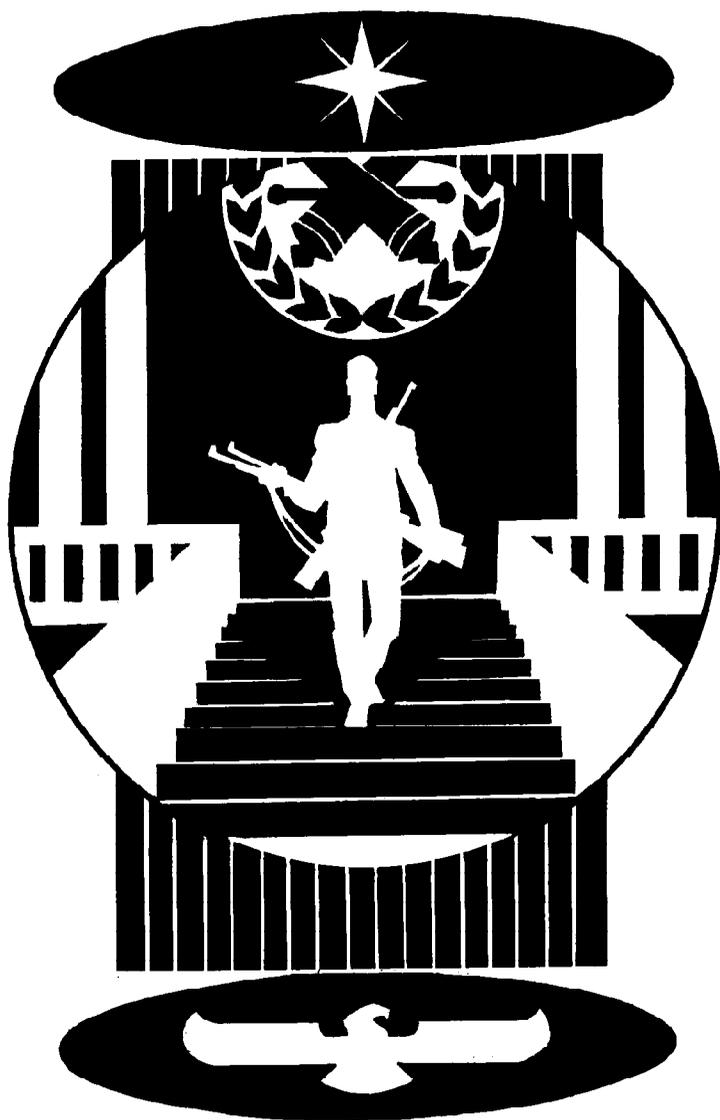
1994

ТЬМА

Нет ни сиянья, ни огней.
Во тьму гляжу я бесшабашно,
А тьма такая, что о ней
И говорить без света страшно.

По саду вихрь прошелестел,
Его дыханье не нарушу:
То грозный ангел прилетел
По чью-то душу, чью-то душу.

1998





РАССВЕТ

Тоска. Ненастье. Путь окольный.
Потусторонний вопль ворон.
Наносит ветром колокольный
Медлительный и грозный звон.

Летучей искрой мысль мелькнула —
И мглой ее заволокло.
Темно и глухо. Ночь минула,
А солнце так и не взошло.

1998

СТРАХ

И мнимые, и явные
Свои я знаю вины;
Душа-то своенравная:
Не любит середины.

Не чудные созвездия
В ночной душе влачу я,
Но ангела возмездия
Над головою чую.

Но мне не вестник мщения
Непостижимо страшен,
А вечные мучения
Вдали от райских башен.

1999



АРКАША

Мать, куда тебя носило?
Живо жорево готовь!
Сальцем ты побалуй сына,
С чесночком потри морковь.

Похмелиться не мешало б!
По пятьсот — на каждый глаз!
Забрюзжала! Хватит жалоб!
Слышал я их тыщу раз.

Что это такое в блюдце?
Шпиг? Резина из резин.
Иль с тобою мы не люди? —
Двигай, бабка, в магазин!

Не гляди, как на дракона,
И зубами не скрипи.
Лососины и бекона,
Ананасов накупи.

Мне, старушка, «Черной смерти»,
«Амаретто» — для самой.
Загуляем — сдохнут черти!
Не соскучишься со мной.

Говорю, к прилавку быстро!
Три шага не одолеть?
Пензия — как у министра,
Так чего ее жалеть?

Как же, матка, ты упряма,
Напрочь хоть волосья рви!
...Да не плачь, не плачь ты, мама,
Свет Фроловна, не реви.



В гастроном слетаю мигом:
Хватит, чай, на маргарин,
А вернусь — тоску на выгон,
По душам поговорим.

Убери свои деньжата,
Как богата — знаю я.
Без вины ты виновата...
Эх, родная ты моя!

Подогрей, хожу покуда,
Чайник, — я воды принес.
Водки дернуть бы не худо!..
Ну, опять! Не надо слез!

Сварим супу-рататуя
Из какой-нибудь фигни...
А бутылку-то возьму я,
Ты меня уж извини.

1994

ЛЮБОВЬ

В туманах табачного дыма
Гранитно стучали стаканы,
И месяц струил нелюдимо
Табачного дыма туманы.

Сидели вечерние люди,
В сердцах матерились, галдели;
И в зеркала тусклой полуде
Вечерние люди сидели.

За стойкой сияла красotka
В захватанном скучном халате,
Она терпеливо и кротко
Спешила вино наливати.



Все были на деву в обиде:
«У телки поехала крыша».
Она и глядела, не видя,
И слушала, как бы не слыша.

По третьей когда выпивали
И нехотя рвали селедку,
Обиду они забывали,
Но не избывали красотку.

Седой, скособоченный дядя,
Юнец, повзрослевший напрасно, —
Все видели деву — не глядя,
Не слушая — слышали ясно.

И только один, в уголочке,
В зеленых трусах по колени,
Уткнулся в газетные строчки
И мямлил: «Потрясно! До фени!»

На стойку он взглядывал смутно,
На буйных соседей незряче
И пиво тянул поминутно,
Мохнатые ноги коряча.

Знать, пиво-то было сладимо
Иль, может, нашептано девой:
Она с парня глаз не сводила,
Подернутых слезною плевой.

И кружка, и две — и десяток.
И взоры, молящие взоры.
Со стен закоптело-дощатых
Отвеялись дымом узоры.

Ушел, на нее и не глянул.
Вскричала буфетная дверца.
И вечер томительно канул
В мое бесприютное сердце.

1994



СОБЛАЗН

Б. Андрееву

Он в городе чужом гостил.
Казалась жизнь ему недугом.
Его приятель приютил,
Прикидываясь вечным другом.

Хозяйка, нежно молода,
Смущала: «Вы стесняться бросьте».
В румянце сладкого стыда
Вишневкой потчевала гостя.

Вела в зверинец, горячо
О смысле жизни щебетала.
Ему на робкое плечо
Клонила локоны устало.

Влекла в музейную толпу —
К Рембрандтову немому мраку,
К Александрийскому столпу,
На ринговую чудо-драку.

На локте висла: «Что за вид!
Вот здесь печального поэта
Прикосновение хранит
Гранит угрюмый парапета».

Он отстранялся, но слегка,
Недоуменно и несмело.
Седая рушилась река
Под мост и льдинами белела.



За ужином, с веселым злом
(Дескать, не вырвешься из плена),
Она до боли под столом
Вдруг стиснула ему колено.

Сидел он, вял и неуклюж,
И слушал, как несчастный муж
Гремел о венценосном Фрице
И о Туринской плащанице.

Посмеиваясь, не спеша,
За дверь с дрожащей сигаретой
Он вышел и воскликнул: «Ша!
Останься, песня, недопетой».

Сбежал он по ступеням в сад
В беззлобном упоенье мести
И на трамвае, наугад,
Умчался в гиблое предместье.

Бродил по лужам до зари,
Уныло озирал трущобы
И вскрикивал: «Черт побери,
Как с нею свидеться еще бы!»

Постылый занимался день
И озарял напрасной славой
Его страдальческую тень
По-над поганую канавой.

1995



ВСТРЕЧА

Галине

1

Раскрасавиц ты не краше,
Но дороже дорогинь.
Не оставь зимовье наше,
Нашу тайну не покинь.

В вихре дней моих унылых
Ты — вечерняя звезда.
Прежде — верных, нежных, милых
Не встречал я никогда.

А мечтанья — что скитанья:
Тщетный пыл, напрасный жар.
Тем, кому судьба свиданье,
И разлука — Божий дар.

Лихолетья ли морока,
Суеты ли маета, —
Ты живешь во мне глубоко,
Незабвенна и чиста.

2

Когда бы не ты, дорогая,
Не знаю, что стало б со мной.
Глядит на меня, не мигая,
Старуха с кровавой косой.

О тайных утратах и винах
Коса мне забыть не дает:
В зазубринах и щербинах
Возмездия вихорь поет.

Что наше — давно уж не наше,
С годами чужое родней,
И жизни милее и краше
Печальная память о ней.

1998, 1999



ВАСИЛИСА

— Не кручинься, брат, веселися!
Что за чучело там пришло?
— То Премудрая Василиса
К нам пожаловала в село.

— Ты рехнулся или с похмелья?
Дура нищая, страх взглянуть!
Нам испортит она веселье,
Еще сглазит кого-нибудь!

— Да, безумна она, бездольна,
Но ее не коснется глум:
Было матушке нашей вольно
Раздарить свой великий ум.

Всю-то Русь исходила дева, —
Каждый, кажется, стал умней.
Будем жить без вражды и гнева —
Ум сторицей вернется к ней.

И душа-то ее воспрянет,
И наделит такой красой
Всех на свете, что стыдно станет
Злобной Смерти махать косой!

1982





ПРОЩАНИЕ

Взойду на мерзлое крыльцо —
Тесина ухнет, пес взорвется,
Само нырнет в ладонь кольцо,
Сама калитка распахнется,
И Карпыч выйдет, свет зажжет.
«Ата-та-та! В такую пору!»
Загонит в избу, поднесет
Томленной бражки «гренадеру».
«А выпить кой-чего не хошь?
И ладно: мы ее не гоним...
Ты, matka, спать его уложь
Да приукрой моим нагольным.
Как — «на минутку, по пути»?..
Который год уже не бывый!
У нас вот время — все в горсти,
А у тебя ...Ожечь крапивой!..

Ага, увидимся, ага!
Могилу, может, и укажут...

Дай на дорогу-то, карга,
А меду сам небось намажет!..
Ну, деду передай поклон,
Недолго ждать осталось встречи...»

И потрясет меня за плечи,
И оттолкнет, и крикнет он.

В глухое поле я уйду
И не посмею оглянуться
На то окно, на ту звезду,
К которой больше не вернуться.

1975



ЗАХОЛУСТЬЕ

Беспросветно бывает порою,
И не можешь в сердцах не сказать:
Как с такою глухою дырою
Ты посмел свою долю связать?

Не от мира сего — что ты значишь?
Ты чужой — и друзьям, и родным;
Дар небесный опасно прячешь,
Чтобы не надругались над ним.

Как на родине скучно и жутко!
Не с того ль раскуражился хмель?
Под звериною властью желудка
Ни к чему соловьиная трель.

Все родное враждебно до дрожи —
Край забвенья, измен и утрат,
Край томленья пустого, — и все же
Я кругом перед ним виноват.

Я забыл, что покровом Пречистой
Спасены все углы, все концы,
Что на этой земле неказистой
Просияли святые отцы.

Я забыл, что из глины ничтожной
Наша богоподобная плоть,
Что поре, небывало тревожной,
Только нас и доверил Господь.

Или нашу — или никакую
Землю дал и собой освятил.
Почему-то и в горе ликую,
Словно ангел меня посетил.

1994



ИЗБА

А. Целищеву

Всей громадой земной, всюю мощью скудельной —
Мчимся в ночь, повернуть не судьба!
Тускло светит оконцем в дали беспредельной
Над затейливой речкой изба.

Ель топорщит в окошке парчовые лапы,
Кисть рябина качает во мгле;
И коптит фитилек керосиновой лампы,
И страницы шуршат на столе.

По углам, по углам — тени, тени живые.
За спиной... Не смотри, не смотри!
Вот сейчас приведут... Привели уже Вяя!
Не дожить бурсаку до зари!

Мальчик, милый мой мальчик, откладывай книгу,
Лучше в шорохи ночи вникай...
В масло постное с душиной горчицей ковригу —
Хлеб в холодное блюдце макай.
Хлеб родимый, хлеб горестный — ласков и лаком,

Пусть и нож-то его не берет!..
Паровоз за сараем — за лесом — за мраком
Громыкает и глотку дерет.

Ближе... Рядом... Прощай! На мгновенье лучами
Озарило рябину и ель.
Тень колышется, тень-великан за плечами...
На плечах фронтальная шинель.

Обняла, оградила — сурова, отцова,
Не какое-нибудь пононо!
И участливо сердце, и сказочно слово,
И средь звезд не померкло окно.

1986



КАДЬ

В саду, под стрехой, у кошачьего лаза,
Вдали от хозяйского зоркого глаза, —
Дубовая кадь, дождевник-выпивоха,
Прабабки моей ли, царя ли Гороха...
В ней — радость моя — головастики жили,
И кадью, как Миром, они дорожили.
Я венскою сдобой, голодный, кормил их —
Уродцев моих, запятунчиков милых;
Лягушку спускал — чтобы нянькой сиротам...
Капуста — лавиной к осенним воротам!
И — слово отцово: «Посуда в порядке!»
Он выхлестнул шулую воду из кадки.
Пыхтел можжевель, изнуренный укропом,
И выли булгы под лисьим салопом,
Кочан рассыпался со скрипом и с хрустом...
О ранняя осень на Севере русском!..

1976

* * *

Какой тебе надо свободы?
Неволя твоя — от любви.
И дикие вешние воды
Лелеют пределы свои.

Заладил в отчаянной злости:
«Я сам по себе! Я ничей!»
Изньлися древние кости
В могилах от этих речей.

Все ж рвенье твое неподсудно:
Слова — что следы на песке,
Пока на родном языке
Кошунствуешь ты безрассудно.

1983



ПОД КОМЕТОЙ

Надоели мне вымыслы-бредни
Изощренного в слове ума!
Лучше вспомним давай, как намедни
Лютовала зазноба зима.

Как рассветная стужа, наглея,
Город зыбила сизою мглой
И слепая комета Галлея
Нависала над бедной землей.

Под хвостатым, под призрачным дивом —
Вдоль по уличным темным извивам
Молодайка бежмя да бежит!
Знать, нужда на нужде спозаранок, —
Под полозьями быстрыми санок
Шлак скоргочет, снег звонко визжит.

В пух удушливый глухо замотан,
Закулеман мальчоночка, вот он —
На салазках, родной человек.
...Жив ли, дышит ли — слушает робко,
Подоткнет одеяльце торопко
И опять приударится в бег!

По горбам да по наледи катит, —
Хоровей полушалок косматит;
От морозу набрякла слеза;
На запястье отчаянно глянет,
На обочину в страхе отпрянет:
За спиной верещат тормоза...

В вихре-облаке черного смрада
Громыхает машинное стадо, —
Хоть в сугробе застынуть тебе!
Пес кидается чертом с панели!..
Руки-рученьки окоченели,
Саднит трещинка на губе.



Эх, сестренка! Грозны наши годы,
Но поверь же и ты горячо,
Что тому и даются невзгоды,
Кто их может взвалить на плечо.

Все обиды твои, укоризны —
Занесет очистительный снег...
За тревогами милой Отчизны
Мы тебя не забудем вовек.

1986

КОЛЬЦО

Я дверь замкнул и безучастно
В глухой колодец бросил ключ.
И на руке — призывно, властно —
Кольцо зажег прощальный луч.
Я снял кольцо, и покатилося
Оно по тропке огоньком.
Мгла перед нами расступилась,
Но поглотила отчий дом.
Я за кольцом ступал проворно.
Просилась песня с языка.
Дорога — во весь мир просторна, —
Ни рытвины, ни бугорка.
Я долго шел, легко и смело, —
И мрак не смыл мое лицо.
Уж ночь великая светлела,
И меркло дивное кольцо.
Вот на пустынном на распутье
Оно в пыли изнемогло,
Растаяло, в нагие прутья
Ракитника — дымком ушло...
Что ж вижу я? Мой дом родимый —
В руинах... пепел на дворе...
Кругом бурьян непроходимый...
Скелет собачий в конуре...
О, что со мной! Никто не слышит,
На зов, на стон не поспешит;
Один колодец жизнью дышит
И влагу вечную хранит.

1980



ЖЕЛАНИЕ

Алевтине

Без искания, без искусства
Как в глаза тебе взглянуть,
Словом только душу высказать —
На твою не посягнуть?

Как бы руку взять покорную —
И жалеть, не вождель,
Чтобы страсть мою упорную
Нежностью преодолеть?

Как бы в памяти — ни помыслом,
Ни видением — во сне,
Ни касанием, ни голосом
Не владеть тобою мне?

Как бы волею ревнивою
Образ твой не исказить:
Истинную и счастливую —
Не себя в тебе любить?

1979

ТАТЬЯНА

Когда я жил не сыто и не пьяно
И в одиночестве копил тоску,
Тебя увидел... Вот моя Татьяна!
Ну мало ль что примнится простаку...

Решился и пришел. Мой голос зыбкий
Был слышен, может, мне лишь одному.
Ответила ты с вольною улыбкой:
«Спасибо вам, но *это* ни к чему».



Избранник твой, степенен деревянно,
Мурлыкает, как на гультбе коты...
Татьяна ты, но не моя Татьяна,
И потому не истинная ты.

1995

ОТПОВЕДЬ

В нашей древней стороне
Всех ты краше и моложе.
Не ко всем, а лишь ко мне
Равнодушной будь и строже.

Не гляди, не подходи:
Для другого мать взрастила!
Видишь, камень впереди?
То душа моя застыла.

За версту минуй мой дом:
В нем сквозняк несчастья свищет.
Чуешь, рыщут за холмом?
То меня судьбина ищет.

Ни слезы не оброня
И не сторонясь нимало,
Все же смотришь на меня?
Негодяев не видала?

В нашей древней стороне,
Чья тоска моей моложе,
Что ж ко всем, но не ко мне
Равнодушной ты и строже?

1994



ВРАГУ

Уж лучше предсмертную муку
Хотя бы на время стяжать,
Чем в силу приличия жать
Тебе с содроганием руку!

Всего-то пустячная ложь,
Незначашее движенье —
А будто друзей предаешь
Или признаешь поражение...

Себя и обычай кляня,
Тебя ненавижу всей кровью —
Что ненавистью, не любовью,
Ты жить вынуждаешь меня.

Любовью, завещанной нам,
Спасительной славы сынам,
И ради которой врагу
Руки не подать не могу.

1982

* * *

Утро ветренное, черное,
Дождевой струи длинной,
Верченное и крученное,
Вечера не мудреней.

Да и где ж ума набраться:
Мудрость — та же суета,
Если все мое богатство —
Ветер, дождь и темнота.

1979



НАВАЖДЕНИЕ

Он пил одиноко в ночи
И песню тянул о рябине.
Возились над крышей грачи,
И капли окошко рябили.
А мышь заскреблася в углу,
Белье встrepенулось в корыте, —
И он постучал по столу,
И обмер, и вскрикнул: «Войдите!»
И сдвинулся с лязгом засов,
И дверь и пошла, и завыла.
Ударил огонь из часов,
И стрелка навеки застыла.
Бежать он пустился к реке,
От ливня туманной и шумной.
Пустая бутылка в руке
Ревела трубою безумной.
Швырнул ее в волны: «Плыви!
Тебе я письмо доверяю.
Пусть гибнет весь мир без любви,
А я от любви умираю!»
По берегу тенью снует,
Не слыша насмешек и глума;
Не спит, и не ест, и не пьет,
И ждет почтальона угрюмо.
Вкруг дома его уж давно
Распаханы тропы-дороги...
И вечно метаться в тревоге
Ему суждено.

1981



КАМЕНЬ

Над певучей излукой лазурной
Бьет коровий колоколец,
И на отмели, черно-пурпурный,
Громоздится валун-одинец.

Но не грузной, не грозной громадой
Он гнетет, он смущает взор:
Всею выстраданной отрадой
Жизнь моя для бездушного — вздор.

Было время: звездою чудесной
Рассекал он небесную тьму,
И в сердцах загорался песней,
И молились ему!..

Так ли было?.. Пастух курносый
Выгнал стадо на водопой.
Голубые глаза раскосы,
Мошек сеево над головой.

Он долину кнутищем глушит,
Легким взглядом спокойно-сух,
И газету читает вслух,
И на Камне портянки сушит.

1986



ЛИЦО

У пивного ларька, на отшибе,
Матерщина, срамной анекдот,
И зеленая муха снует
По растерзанной вяленой рыбе.

Стоном стонет косое крыльцо.
Тростниковая зыблется чаща.
Я в толпе заприметил лицо, —
Иногда нам и зренье — несчастье!

Не должно быть таких у людей!
Беспощадно — свирепо и тупо.
А глаза-то! Ведь даже у трупа —
И осмысленнее, и теплей!..

Ну пусть я из духовных калек,
Не в ладах с сокрушительным веком, —
Боже мой! если он — человек,
Как назваться могу человеком?..

В сердце ужас и гнев... и вина:
Все в одной взращены колыбели...
Неужели, родная страна,
Что-то в тяготах мы проглядели?

1983



ЛЕРМОНТОВ

Шли вечно мы равниной снежной.
Нет ни былинки на безбрежной.
Сиял железный звучный наст.
И, целью некою влекомы,
Шли отрешенно и легко мы;
Был мир безлюден, кроме нас.

Я пересек овраг пологий
И обернулся: странно-строгий,
Моляще-гневный встретил взгляд!..
Опешил я, но, страх отринув,
Я понял, что ему Мартынов
Во мне почудился... О, брат,

Прости меня, мой брат любимый!..
Наст подо мной несокрушимый
Вдруг рухнул и распался в прах,
И трещины щемяще-звонко
Вмиг досягнули горизонта,
И... пробудился я в слезах.

1986



ПУСТОТА

Город грохотом взвизгивает в облака
В век последней великой измены.
Скоро ТАМ вострубят, а пока
Сумасшедшие воют сирены.

То пожар полыхнет — неспроста,
То разбой залютует — недаром...
О родная моя суета,
Ты разбоем жива и пожаром!

Ты жива потому, что мертвы
Днесь глаголы и моря, и суши.
Трупным ядом всемирной молвы
До безумья отравлены души.

Толпы, сонмы вокруг... Почему ж
Не встречаешь нигде никого ты?
Гей, ловцы человеческих душ,
Не остаться бы вам без работы!

1993

РАЗЛАД

Встревожу безликий камень,
Глухое огня жильё, —
И вздрогнет он под руками,
И явит лицо свое.

Как сон, в нем клубиться будет
Минувшее тяжело,
Но пламени не разбудит
Ладоней моих тепло.

Не жди между нами лада:
Безгласен я, он же — нем.
...Кому ничего не надо,
Тот обладает всем.

1984



ЦАРЕВНА

Идет красавица моя,
Идет медлительно-небрежно.
Куда она — туда и я,
Свиданье наше неизбежно!

Как ты прекрасна, Боже мой!
Как слепы, как ничтожны люди:
Увидят чудо пред собой —
И чуда не признают в Чуде!

Глядите же: *она* идет!
Увы, мои напрасны пени:
Никто пред ней не упадет
В немом восторге на колени.

За ней сквозь косную толпу
Ступаю горделиво-гневно.
Неужто горе утоплю
Сегодня я в вине, царевна?

Нет, я узнаю, где живешь!
Или узнаю нынче — или!..
Должно быть, дом твой так хорош,
Что в нем и ангелы бы жили...

Идем. Репьи в седой пыли...
Вода цветет в канавах ярко...
Мы к палисаду подошли,
Что у барака-перестарка.

У входа — с тазом здоровяк,
Пеленки свесились из таза.
Она к нему юлой: «Ну как?» —
«Да где ж ты шляешься, зараза?!»

Мою царевну не узнать:
Перекосилась — и на мужа:
«Чего орешь, ядрена мать?
Заткнись, тебе же будет хуже!»



Кой черт занес меня сюда
И матом вымостил дорогу!
Я их не видел никогда —
И не увижу, слава Богу.

Жить не хочу я — решено!
В петлю, под поезд, в омут, на кол!..
... Теперь и вспоминать смешно:
Я шел и плакал, шел и плакал.

1994

УТРО

Дряхлый дом под чахлою сиренью,
Темное увечное крыльцо.
На приступке, над дырявой тенью,
Детское напялив пальтецо,
Сивый дед, покашливая, курит,
Рядом кот-баюн глазищи жмурит.

Дед брюзжит: «Разлежся, как валек!
До ларька бы... кончилась буханка...
Васька! Вась! Василко! Василек!
Эх, Васятка, Васенька, Васянка!

Не кормил тебя, как на убой?
Где у нас пятерка завалялась?..
Глянь-ка ты, погода разгулялась,
Разгуляемся и мы с тобой!

Как тепло-то, леший, как светло!
Не разбудишь, верно, снится рыба...
Ну спасибо, солнце, что взошло,
Что согрело старого, спасибо!»

Клонится седая голова.
Папироса выпала, дымится.
День Победы. Юная трава
Шевелится.

1982



ЭЛЕГИЯ

В толпе, где лица, хари, рыла
Равны пред ликом Божества,
Давно ты мне не говорила
Простые, нежные слова.

Ты далека, еще далече
Томленья наши, наши дни.
О необузданные речи
И ласки, — пыткам вы сродни!

В стране измен, корысти, зверства,
При воле пуле и ножу,
Я за тобой, пустое сердце,
Как призрак мыслящий хожу.

Поддамся ль жизни я бесцельной
И устремлюсь ли в мир иной
С мечтою дерзкой, запредельной —
Или же с шуткой площадной?

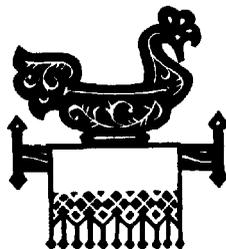
С тобою встретиться не чаю
Ни в духе я, ни во плоти.
Хотел бы вымолвить: «Прощаю» —
И говорю тебе: «Прости!»

1994





ПЕРЕВОДЫ



Шарль Бодлер

АЛЬБАТРОС

От скуки моряки охочи до забавы,
И альбатросов им ловить уж не впервой,
Которые парят, огромны, величавы,
Над судном, что летит над горькой глубиной.

Лазурной высоты беспечные владыки,
Когда они стремглав на палубу падут, —
Нелепо тащатся, смущенные, под крики,
И крылья белые, как весла, волокут.

Могучий странник здесь — бессильный и нескладный,
Прекрасный в вышине — тут он смешной урод!
Кто тычет в клюв ему ехидно трубкой смрадной,
Кто, пленника дразня, хромая, вслед идет.

Поэты грозных туч властителям подобны,
На чей державный путь не посягнуть стреле:
Низвергнутым с небес, под свист и гомон злобный,
Им крылья мощные мешают на земле.



Генри Лонгфелло

СУМЕРКИ

Печально сумерки клубятся,
Дрожит под вихрем край земли,
И волны, словно птичьи стаи,
Роятся, пеняются вдали.

А в бедной хижине рыбацкой
От фитиля светлым-светло,
И всматривается ребенок
Во мглу сквозь мокрое стекло.

Он личиком прильнул к окошку,
Как будто с замираньем ждет,
Когда во тьме возникнет кто-то
И медленно на свет пойдет.

Тень женская в окне мелькает,
Неугомонна и стройна, —
То к потолку взмывает зыбко,
То никнет горестно она.

Вихрь дикий, океан ревуший,
В окно безумно колотя,
Какою сказкой позабавят
Вот это малое дитя?

И почему же рев свирепый
И дикий свист — всю ночь подряд
Так сердце матери терзают
И щеки смертно леденят?



Таиф Аджба

С абхазского

СТРАХ

Вдруг мысль пришла — безумию подобна!
Опасен я, скорей на цепь меня!
Так эта мысль кошунственна и злобна,
Что в ужас я пришел средь бела дня.

Страшнее мысли не было от века;
Пред всеми я ее разоблачу:
Я человек, и прятать не хочу
Мысль, оскверняющую человека.

Не говори мне: «Это не беда,
У всех бывает в голове такое».
О, не найти мне никогда покоя,
Коль никому мысль эта не чужда!

Чего в нас нет — как может нам присниться?
Что, если мысль осуществить решусь?
Зачем она в душе моей гнездится?
Не знаю я — и потому боюсь.

* * *

Мы за каждый грех в ответе
Не на том — на этом свете!

Быть праведником — тщетное желанье!
Коль в юности избегнем воздаянья —
На склоне лет настигнет нас оно;
От кары схоронились мы в могиле, —
Но даже смертью грех не искупили:
Возмездье нашим детям суждено.



ХАРАМСАН

Была прекрасна Харамсан, но замуж не пошла:
Она богатый отчий дом оставить не смогла.
Она красавца муженька не привела домой:
Хотела девушка владеть одна своей казной.

Был сад у ней чудесный, но, не ведая стыда,
Не угошала и детей хозяйка никогда.
И нелюдима, и горда, гоняла даже птиц
Она с томящихся ветвей... О, жадность без границ!

Жила в довольстве и казну копила Харамсан,
Родных, друзей и свой народ забыла Харамсан...
Но годы делали свое: увяла Харамсан,
И занедужила, и жить устала Харамсан.

Слегла в постель, но на засов замкнула прежде дверь...
Хозяйство рухнуло ее, она нища теперь...
Лишь как всегда — глубокий и свежий колодезь невредим.
Ах, бедная, ее родник достанется другим!..

И вот пришла к старушке Смерть с корявым батоном...
Затрепетала Харамсан, и содрогнулся дом!
В слезах взмолилась Харамсан: «Царица, будь добра,
Повремени! Дай мне дожить хотя бы до утра!»

Старуха с духом собралась и, как дотлел закат,
Постанывая и кряхтя, заковыляла в сад;
И удивленная луна глядела допоздна,
Как над колодезем среди камней ворочалась она...

Всю ночь в безжизненном саду как будто гром гремел, —
Земля дрожала, и сосед от ужаса немел!..
Восстало солнце из-за гор, и вспыхнул снег на них, —
И у колодца на заре злоевищий грохот стих.

Колодець полон был камней, а рядом, в цветнике,
Лежала мертвая карга с бульжником в руке...
Картину мерзкую узреть мне привелось, увы, —
Но рад я, что свои глаза не осквернили вы.



СТАРИННАЯ БАЛЛАДА

«Боже всесильный, тебя я молю:
Меткою сделай стрелу ты мою,
Дай поразить мне мучителя в грудь,
Я исстрадался, хочу отдохнуть».

Пал на колени он, руки воздел,
Плача молился и в небо глядел,
Но избавленья напрасно он ждал:
День ото дня все ужасней страдал.

Грянул его искупления час:
Небо и землю Всевышний потряс,
Молнией сердце страдальцу пронзил, —
И успокоил его, и простил.

Сали Арчаков

С ингушского

* * *

«Как долго ты живешь на свете,
И где ты только не бывал!»
Я гордо слушал речи эти,
Но тотчас же затосковал.
Мне показалось, что короче
Мой век тревожный — летней ночи,
Что всех дорог моих и дней
Хвост заячий куда длинней!..



Билял Лайпанов

С карачаевского

* * *

Сердце так пылает жарко
Дни и ночи напролет,
Что нырнуть бы радо в прорубь
Или вмерзнуть в вечный лед!
Так мучительно желанье,
Так безумствую, любя,
Что невольно начинаю
Ненавидеть я тебя!
Вещая звезда упала,
Долетела до земли, —
Не мерцающее чудо —
Черный камень мы нашли.
Но когда под своды храма
Мы внесли, в заветный час,
Этот камень, — он навеки
Стал святынею для нас.
Даль не краше и не шире,
Не светлее высота, —
Землю не преобразила
Звездная моя мечта.
Как звезда, сгорело сердце,
В песне дышит тяжело.
Словно камень черный в храме,
Где от глаз людских светло.

* * *

Ядом враг меня морил,
Но ему не до веселья:
Я целительного зелья
Из отравы наварил.



Арбен Кардаш

С лезгинского

СОНЕТ КОНЦА ОСЕНИ

Что грустные ноты на серой бумаге —
Прощальные тени медлительных стай;
Как будто крылатые манят ватаги
Красавицы южные в солнечный край.

Родные просторы тоскливы и наги...
Как будто их намалевал невзначай
Бездарный художник в нелепой отваге, —
Он красок для нас пожалел, скупердяй.

В унылых горах замолчали свирели,
И ветры неистово озверели...
Прощайте, прощайте, блаженные дни!

Дожди — как рыдания... Ветрами отпеты,
Корявых деревьев трепещут скелеты,
И ждут погребенья в сугробах они.



Магомед Беккиев

С балкарского

БАЛЛАДА О СОБАКЕ

Когда, любимица семьи, дворняга одряхлела, —
Не лаяла и в конуре дремала до утра,
Хозяин хмуро проворчал: «Как ты мне надоела!»,
Ее к воротам подманил — и выгнал со двора.

По мрачным улицам, как тень, в тоске она

блуждала,

И пепельная ей глаза покрыла пелена.

На свалке каменную кость она, дрожа, глодала,

И выла жалобно в ночи, и плакала она...

Но сердце верное ее не охладило горе,

Невыносимая тоска ей душу не сожгла, —

К родному дому своему она вернулась вскоре,

Который берегла всю жизнь, как лишь она могла...

Поджала хвост — и на крыльцо взошла она уныло,

И робко глянула на дверь, уже не чуя ног, —

И вздрогнула, и затряслась, и слезно заскулила:

Мертвел угрюмо на двери заржавленный замок...



ПОЭМЫ





ДВОРОВЫЕ ФРЕСКИ

1. Пестунья

Уф, душно! От ворот — дорожная пороша.
Квохтунья пышная, впорх перья разъероша,
Рыжей подсолнуха, отрывистым шажком,
Дерг-дерг головкою с кровавым гребешком,
Морозом тронутым (зубцы пообгорели),
К сараю правится с бензиновой панели.
Жестокий рыбий зрак дурашливо-подслеп;
Все ищет не найдет, полакомиться где б...
За нею впопыхах — хоробрая дружина:
Цыплята семят, желта от них дворина.
Шустры ребятушки, и с ними нелегко, —
Ворчливо-ласково хохлаткино ко-ко.

А у трухлявого лишаистого сруба,
Унылой дранкою залатанного грубо,
Их батька пыжится, просительню свиреп;
Хвоста роскошного струит за серпом серп, —
Черно-зеленые из лент лазурно-сизых;
Играет алый блеск в сквозных парчовых ризах.
Арбузным ломтиком рдян гребешок набряк.
Вот сердце выскочит — к груди прижат кулак...
И, боком крадучись, песок вспоровши вскрыльем,
Крыло пришпоривает бешеным усильем,
Зловеще-радостно топорщит воротник,
Весь так и вздыбился, — и на квохтунью прыг!..
Не тут-то было, брат! Там горько, где и сладко.
А ну-ка взъерепень охальника, хохлатка!
Ишь, расфуфырилась, лиса ее возьми!
Увял детинушка, моргаючи глази.
Цыплячья ж вольница с пушистою наружу
И солнечной душой венком обстала лужу;
Один за капелькой — сосед его теснить!..
Вода медовее, где брат изволит пить.



2. Глеб Родионович

Глеб Родионович, сорокалетний мальчик,
Проворен ручками, припрыжист, будто мячик,
До самых луковок волосяных пробрит,
«Мерси» мурлыкает, простите,— говорит;
Пardоны сыплются из уст медоточивых.
Земля не видела еще таких учтивых!

Глеб Родионович, у вас ведь ни врага!
Ах, как нажать его сплошным «да-да, ага»?
Проборчик беленький, вихор примуслен скромно,
Тенисты бровками, желтеют глазки томно;
Не чертыхнется он и носом не шмыгнет;
Пыль не шелохнется — так бархатно идет...

Глеб Родионович гнушаться любит прозой:
Крапиву выкорчевал и дамасской розой,
Прилично веющею плавный аромат,
Облагородил в меру пышный палисад,
Где до светелочки — тишайшие сирени,
Чтоб стены флигеля вульгарно не серели...

На венском стульчике, листая Беркли том,
Глеб Родионович изволит мнить о том,
Что то и дело, то и дело, то и дело
Свеча горела на столе, свеча горела.
А не холопская лучинушка в светце.
Сам автор с гением на барственном лице
Смотреться в зеркало устанет ли с портретца...
Сосед по стеночке — в личине страстотерпца,
С глумливой похотью в лопатках, с белены
На всю ивановскую просит тишины...

Мочалкой взмыленной — под стулом сучка Нелли.
Глеб Родионович, ее не на Луне ли
Хозяин-умница по благу схлопотал? —
Свихнулся Дарвин бы: столь густ зверек и мал.



Стравинский вертится в шикарной радиоле,
Атакой газовой — дизель и бемоли,
Гражданской распрею разъято стадо нот...
Вертинский, стравленный с рок-группой, слезы льет
А-ля фрянсез, — и слезы, слезы, слезы, слезы
Картчью выстынут в российские морозы...
В рентгенограммы зашапиренный поп-арт
Скелетом вывихнут под джазовый азарт.

Амурчик бронзовый с серебряной душою
Свечою тешится под тряпкою большою,
На коей розово-лиловенький Анри
Состряпал комнатку свою за раз-два-три.
В шкафу ореховом есть жертвенник Даждбога,
Кусочек уха многоумного Ван Гога,
Автограф Гамсуна, Дамоклов волосок
И с кровью Гамлета хрустальный пузырек,
Простите, пуговка с подштанников Гогена,
Зуб Соломона, птичья клетка Папагено,
Пята Ахиллова и пена, что родит,
Коль пожелаете, десяток Афродит,
Рубин с Меркурия, Высоцкого заплата,
Глаз птеродактиля, Иудина зарплата,
Пуант Плисецкой и тень Данта наяву,
Скальп йети бедного... Ау, ау, ау!..

Глеб Родионович! Взгляните же в окно вы,
В венецианское! Всегда галдеть здоровы,
Потомки-отпрыски, короче — детвора,
«Ура! Ура!» — кричат они эт цетера...

«Что за комиссия? Мир inferнально явлен!» —
Глеб Родионович щебечет, носом вдавлен
В продукт плавления соды и песка, в стекло, —
И мигом личико его белым-бело!

Кошмар! С угрюмою свирепостью бульдожьей,
Весь перекошенный, трясущийся бульдозер,



Блестя прожекторно стекольем ветровым,
На флигель рушится с обочины... За ним
Пространство тянется, морщинится, как шарик, —
Вот лопнет!.. Глебушка кабину взглядом шарит:
Нет никогошеньки, кабинушка пуста!
Три сантиметра до дамасского куста!
Лязг, дребезг, мальчиковы вопли: «Дядя Гена!»
«Какого гена?» Настежь клетка Папагено,
Сереет розово-лиловенький Матисс,
Амур огарочек швырнул под шкаф: катись,
Рубин с Меркурия — золою... Скука, скука!
Глеб Родионович метнулся тенью звука
До холодильничка, подъемля волоса, —
Кружком спасательным сияет колбаса
На локте Глебушки... «О темпора, о морес!»
Как просочился он сквозь щелочку в заборе-с,
Как на Геннадия бегущего глядит:
На Голиафа так не сматривал Давид;
А тот, под кепкою витой соломой косясь,
Так разогнался, что не удержи — так в космос!..

3. Устиньины страсти

Чу, даже прадедов не маяло жарыню,
Какая вытомила бабушку Устинью.
Старушка чахленькая, ножками скорбит,
Незнакомитая, по пустяку — навзрыд.
Уж ей не пламень ли небесный душу выжиг? —
Засов дубов, и кован крюк, да семь задвижек
Моль, прель, и ржавчину, и плеснедь берегут.

«И то, родимые, что человек, то плут!»

И лето выдалось! Тучнела воля гарью,
Как будто черт принес опять орду татарью;
Мечта ли звездная овладевала тьмой,
Пожара ль в куполе рысучий реял рой...



Ворчит Устиньюшка: «Лукавому в угоду
Ракетой, аспиды, испортили погоду!»
И ночь-смятение затворнице была!
Она, как смертыньку, напрасно сон звала,
Вдыхая затхлую овчину кацавейки;
В истоме дряблые набухли косо веки,
И щеки серые стекают в черный рот,
Ноздря тихохонько соловушкой поет,
Грудь хрипло зыблется под трудною рукою...

«Зачем, о Господи, изводишь нас тоскою?»

И только с дремою коснеющий язык
Смиряться начал, — небывалый луч проник
Да в ту ль угрюмую, увечную каморку, —
В стекло тенетное, сквозь реденькую шторку,
Мышей крылатых чей напомнил бы узор...
Кто, кто, взыскующий, явил палящий взор,
Без гнева ранящий, целящий без приязни?..
Тогда подернулась гусиной от боязни
Старушка кожею, глазами стену ест:
К ней тихо близился, чернел оконный крест.

«Горим!» Устиньюшкины мощи с койки скоком!
Зашелки тренькнули, засов болтом зацокал,
До сей поры, визжа, вихляется крючок,
Проверещали петли, бабка же — молчок:
Железа запахом иль крови ноздри нудит;
Так смерти веянье страданья наши будит.

Янтарной каплею пробрызнул в кут паук,
Когда запечница сграбастала сундук —
Пудочков эдак, не соврать бы, на десяток;
В горбатых, бурых, пообшарпанных, дощатых
Боках квадратела и голубела сталь...



«Не денег, батюшки, стараний больно жаль!»

Пыхтит и кныжится бабуся через силу,
Час не ровен — расторгнет, бедная, царь-жилу;
Брильянты, что ли то, лелеет в коробу?..
Иль тот настырнее, кто верует в судьбу?
Себя спокойно громадил сундучище;
И, неминуемое предвидя пепелище,
Устинья, хныча, ковыляет за порог:
Да кто бы вызволил, да кто бы ей помог!..

Смотри, запечница! Не век же бестолковеть:
Пещерным ужасом опять обширна овидь, —
И небо вспученно отникло от земли;
Иссякшим воздухом подсинена вдали
Латунью крапленная липовая крона,
Где тщетно тужится безумная ворона
На струи хилые взобраться ветерку:
Сложила крылышки, перо — стрелой в боку...

А высь туманная оранжево ярчела,
Как будто солнцево ее покрыло тело, —
Светило пылкое — во весь да окоем!..
О небо древнее! Бесчувственно на нем
Мигают палевые пятна полыньями.
В них звезды призрачно-прозрачными кругами
Стоят бестрепетно, горят — чтобы гореть...
Но вот видению и блекнуть, и хиреть, —
И мгла протяжная табунными волнами
Зловеще плещется в небесной желтой яме:
То мрак удушливый — и звезды на плаву,
То желтизна падет на серую траву,
На кровлю алую, влажнеющую блестя,
На остов церковки, чья тощая известка
Румянцу робкому и рада бы, но он
Пыльцой кирпичною истаял меж колонн...



И вдруг — Звезда!
Гнезда опаловое лоно
Ее пылание хранило воспаленно;
Колесит облачных кочевий кумачи,
Простерла, жуткая, кровавые лучи!

Кипучим пламенем пылайте, дерева,
Черней под заревом, ослепшая трава,
Пунцовой, церковка, тускнея, крыша, сохни;
Очнись, Устиньюшка, опамятуйся, охни,
Пытая чеботом неверное крыльцо!..
(Не кожа ль содрана: багрово так лицо,
Синюшны губы...)

«Драгоценные мое-то!
Ой, пропадаем мы! Ведь преставленье света!»

Кружение, реянье, мерцание лучей,
Очарование обыденный ручей
Рекою вспенило, взбурлило океаном,
Прострило временем, щемяще-осиянным,
Где жизнь Устиньина — от семечка кружок,
Спроста уроненного в самовластный ток,
В волну, вздымающую буревое темя...
Проснись, желанная, твое пришло время!

Впервой чувствилищем явился ей простор,
Где рубежей надменных тягостный узор,
Дорог двусмыслица и вех разноголосье;
Она ли племени державного охвостье?! —
Над полыхающею ширью шаровой
Она воспрянула единственно живой:
Одна — на свет, одна — в ответ, за всех — едина!
Из господина Мир, воскресшей, — сиротина;
За них, зверей, за них, детей, — одной тужить!
«Во сне не ведают, что остается жить!..»



И в конуру свою, под страшной ношей горбясь,
Спешит беспмятно... с божницы образ, образ
Пречистой Девы со Младенцем на груди
Приемлет бережно... Вот сени позади...
Ступени шаткие... Сама она далече
Осталась, кутая овчиной смрадной плечи:
Иная женщина, отважная жена,
Всесветным полымем стоит озарена;
Кистями, добела хрустящими, икону
Сжимает судорожно, к пламенному лону
Моляще-строгое лицо обращено, —
В глазах Устиньиных от зарева темно;
Тесна вдруг сердцу грудь, забвение постыло;
И солнцем вспыхнуло, постигло и вместило
Все, чем осмысленны земные берега!
Мать в небо высится, кручинна и строга,
И слезы жгучие в сиянии и в дрожи
Блистают сладостно, вселенной всей дороже.

4. Павлушок

Июньской прелестью пленительна березка.
Уж ветер пристальный — и тот не уберегя:
В тенета нежные, в мятущийся пузырь
Заманен радугой. И тень, как нетопырь,
Ширять отчаялась во влажном мельтешенье
Прозрачных листиков, чье бодрое скольженье
Грибному дождичку сияюще под стать...
Душа ли ширится иль небо — не понять.

А под березкой с папироской Павлушок.
Ему в диковинку табачный запашок,
Кольцо-восьмерочка игрушечного дыма
Висит на веточке... А мысли мимо, мимо...



Листье смолистое, хмельное, в плеске, в пляске
Лицо румяное щекочет без опаски.
Березке весело: и сладь, и соль поят,
Палят сережки ей и листья леденят.
Со лба веснушечки сметает пегий чубчик,
И брови черные губ пухло-рдяных чутче,
И губка верхняя темнеет желобком,
Как будто тронута легонько угольком.
Глаза зеленые, раскосые немножко,
С прищуром старческим глядят остро, сторожко;
Насмешкой тайною в них тлеет желтизна;
Но под ресницами скрывается она.
А лоб высоконький наморщен нелюдимо,
Сосредоточенно... И мысли мимо, мимо...

* * *

...Два вечных семени, две сути бытия,
Горят в сознании, недвижимо снуя,
Стремглав покоятся, жужжат от нетерпенья,
Везде они, когда нигде, — в одно мгновенье,
Но нет им времени; заядлые друзья —
И закадычные враги; два бытия —
И два забвения, величием ничтожны,
Мощны ничтожеством, немислимо-возможны.
В побеге-поиске смыкаются они,
Живые призраки, и тени — и огни,
И — след простыл! Но смерть бесчувственным —
рождение:

Лучами ринулись из уз уничтоженья!..

И Павлу мыслится белесо-синий шар:
В прогалах перистых — песков струится жар;
Тревожно мренье таежного дыханья;
Душе соперником — скитанье океанье,
Апрельской льдиною блуждает материк...



И мир иной, голуболонного двойник,
В коросте, в струпьях, в язвах лавы рукотворной,
Свинцово-пепельный, до сердцевины черный, —
В разверстых пропастях тысячеверстных прах
Тучнеет, сеется в искрошенных горах,
Хвостищем тянется, клубящим слитки-смерзки...
Шар искореженный — с косою череп мерзкий!

Гляди! Рисково пошатнулись двойники,
Крутнулся черный, синий — вздрогнул; вихорьки
Кривыми ключьями мнутся ураганно, —
И вот все облачье бушует первозданно!
Ярятся молнии под ртутно-сизой плевой,
Над морем вздыбленным, что фосфорно затлело;
Вода пустынная час от часу серей,
И больше некому изобразиться в ней...

Шары немотные невидимой воронке
На дно волчками соскользнули в распре-гонке,
Слились мгновением — и время истекло:
Сошлись в единое дрожащее Светло;
Вот меркнет пятнышко... Вот искорка... и мраком
Чета лучей рванулась к чуждым зодиакам!
И Бездна грозная вдали-вблизи-вдали
Едва склонила равнодушно фитили...

* * *

Но вятен сердцу некий трепет несказанный,
Как будто Прорву прожурчал родник нежданный,
Как бы размыкала глухое горе весть,
Как бы тропинка запетляла: можно бресть...
И Пустота немая, щурясь, щерясь, щелясь,
Внезапно выпестовала задорный шелест,
Гвалт суматошливый и гомон озорной,
Такой дурашливый... кощунственный такой —
Над головой!..



И, пущен Павловой рукою,
Сердитый камушек застрекотал листвою
И прынул бешено пружинами ветвей —
И выпал на землю... Не камень — воробей.
Вот на ладони он. Не камушек: горячий.
И взгляд бусинок коснеюще-незрячий
Такой... Не камушек... Взъерошенный такой...
Еще горячий... Или теплимый рукой...
У клюва в устье пузырится кровинка...
Не камень... В горсточке топорщится пушинка.

— Пушинке утлой ли да солнце заслонить?
Что — семя высеять? Что — камень обронить?
Иль так вознесся я, что мысль могилы роет,
И обмануть себя мне ничего не стоит?..

5. Любашин сон

Стекольной радуги в морозозерной раме
Кристалл хрусталится искрящими краями,
Гранен наслудою ручной печной огонь.
А в заоконье замыкает звезды сонь.
Ночник-кувшинка под есенинским портретом
Живет медлительно зубчатым красным светом, —
Млечно-малиновы туманы изразцов.
Ходьба тревожная у ходиков-часов:
То остановятся, то браво зашагают...
А стрелки, стрелки-то: обратно уползают —
Опять вперед-назад-вперед-назад...
А в заоконье сны Любашины парят.

Она прислушалась — бровей полетны вскрылья;
Головка вскинута; темнея от усилья,
Взор карих глаз самозабвенно отрешен...
Она задумалась — по-детски ясен он;
К плечу мечтательно склоняется головка,
Косою русою отягчена неловко...



Она воспрянула — спокоен милый взгляд,
Так равнодушные усталостью глядят;
Но губы легкие готовы млетъ улыбкой...
Она нахмурилась — и взор, доселе зыбкий,
Исполнен дерзости, суров, почти жесток;
И губы стиснуты, и на лице — упрек;
Восторга сполохи в смятенье неумном;
И пальцы сцеплены на животе огромном...
А в заоконье чей-то робкий шепоток,
Как будто реченька покинула исток.
У стула венского пес глыбится медведем —
Багряный зверь, бронзовоголов и хребтомеден.
Огонь выстреливает угля яркий звон.
Порхает тень, вздыхает пес... стихает... сон.

* * *

Берез корявая печаль в гурте валунном
Мигает облачком; не хватит тыщи лун им
Свежень и выснежень, нежнень до корешка.
И подув вкрадчивый пустого ветерка
Проникнут гнусною чарусною отравой.
Хребтовобронзовый, сугорбый, медноглавый,
Багряный зверь ступает рядом тяжело.
Что это? Певчее лазурное Светло
Взыграло тинною пучинною лавиной,
И солнце теплится сквозь марево лучиной.
Бульги-черепы шатаются во мхах,
Березы хлещутся и ропщут; и в ушах
Навеки шумно: возопила так округа!
И, вихрем-проливнем спеленутую туго,
Любашу вымчало на дерзновенный юр,
Где можжевел один железный стыл, понур.

И бездна гулкая вздохнула под обрывом,
Туманов сонмище шерстоседым наплывом,
Морокой хворою затмила окоем,
Где взгорья смутные измождены дождем.



Обрыв — катни валун, лишайником прошитый, —
Скакать гранитному до зги до ледовитой!
Кругом ни тропочки, ни изб, ни костерка...
Река пустынная, как время, глубока!
Валы чугунные в шипящей беглой пене;
Ликуют отблески, изнемогают тени,
И струи змеями свиваются в жгуты,
Необозримые и с вечной высоты.
Гора могучая, кругла лысоголово,
Что студень зыблется от подвига речного.

И там, на отмели, среди лихих осок,
Зияет ребрами курносый челночок,
Засосан лывою, и черной, и тлетворной.
И тщится выволить с охотой необорной
Корму осклизлую, просительно-свиреп,
Проворен ручками, отвагою нелеп,
Знакомый кто-то... Отступился, пал и плачет,
Лицо от Любушки в мохере рыжем прячет...
А по стремнине, роя бешеную водь,
Под снегом-парусом бежит от плоти плоть,
Любашин первенец, рожденный-нерожденный!..
Его дыхание волною благовонной
Таит ласкание неслыханных речей;
Лицо — что солнышко!..

Быстрой, быстрой, быстрой
Челнок уносится, обуреваем далью,
Где только мертвые осенены печалью,
Где солнцем — солнце, человеком — человек...
И в законье распахнулся парус-снег.

1977



ДЕСЯТЫЙ

В дрожащих трещинах луна
Над пестрой чашею,
И тишина унесена
Рекой урчащею,
И ветер прыщет из земли
Струею нервной...

На кой мы черт сюда зашли,
На гибель верную!
Послать на смерть! Хорош приказ!
Мы так измотаны,
Всего-то десятеро нас,
А немцы — вот они!
За тусклой мшагой, за рекой,
За бледной рощицей —
Везде они! Подать рукой!
Сейчас набросятся!

Убрать бы палец-то с курка:
Пальну по шороху..
Бывалым — что, а я пока
Не нюхал пороху.
Храпят, как дома на печи,
И лень ворочаться..
А ты в ночи один торчи,
Коль спать не хочется!
Какой тут сон! Вот-вот заря,
Туман рассеялся.
Да неужели жил я зря,
Мечтал, надеялся?..
Да неужели пузыря
Не стою мыльного?
Не одолел богатыря:
Червя могильного!



Меня, кого любили все
В домашнем улее,
Меня — на радужной росе
Штыком иль пулею?!
Меня, в чей дар учителя
Так свято верили,
Меня, глумливо оголя,
Распнут на дереве?!
Я жить, я жить, я жить хочу!
Я, я, не кто-нибудь!
Сейчас по лесу полечу,
Как птица по небу!
Нет, я не трус! Кому из вас
В могилу хочется?
Ведь сам Гораций так же спас
Себя — для общества.
Меня, быть может, бронза ждет,
И планетарная
Молва мой век переживет,
Мне благодарная!..

Быть может, в замыслах моих —
Жизнь небывалая!..

А эти... Нарожают их,
Потеря малая.
Заслуги их невелики:
Ни лык, ни ордена...
Нет, эти сонные сурки —
Еще не Родина!
Не им — державе присягал,
Всем — но не каждому.
Возьму на память портсигар...
Прощайте, граждане!



* * *

Скорей! Скорей! Совсем светло!
Ага! И лодка, и весло!
Винтовку — под ноги!
ТЬфу, руки потные...
...Скажу, один остался жив.
Патроны все. В окопе взрыв.
Все наши — трупами,
А фрицы — прут они!..
Едва ушел. Пооди, проверь!

Но... погоди! Куда ж теперь?
Орла-то сизого
Под пули сызнава!..
А ведь погонят в добрый час!
Не будешь бегать всякий раз!
На что отважиться?
Пропал я, кажется!

Будь проклят ты, закон земной!
Ты не считаешься со мной, —
Лишь над оравую
Ты властью правою.
Толпа гнетет! Недаром, брат,
Пред ней всегда ты виноват:
Один среди множества —
Почти ничтожество!
Вы разве жизнь мне дали? Вам
Ее безропотно отдам?
Вольна противиться
Душа — строптивница!



* * *

Однако на берег пора:
Лодчонка — на дыре дыра.
Весна! Как дышится!
Чу, песня слышится!
Похоже, деревенька тут.
Неужто хлеба не дадут?
Не нищebroдины:
Защитник Родины...

И верно: целых три двора.
Крутая с «журавлем» гора.
Тропа зигзагами
По-над оврагами.
Овец девчоночка пасет.
С чего бы так меня трясет?
Или бессонница
Знобит бессовестно?..

* * *

Не бойся! Видишь, я же свой!
А есть в деревне кто живой?
Ты, дед — и только-то?
Война, будь проклята!
Отец на фронте? Письма шлет?
Давненько не было? Пилот?
А мы — пехотные,
Бесповоротные!
Какая хитрая! Секрет!
Одно скажу: несу пакет.
С учетом времени
Лишь мне доверили.
Я шишка важная: сержант.
Сержусь, сердиться — мой талант.
Нет лык? Освоены:
В лаптях все воины.
Не говори, люблю шутить.
Ты не могла бы угостить
Хотя бы коркою
За долю горькую?..



* * *

Спасибо, Оля, за обед!
Кто там идет? Не твой ли дед?
Чего торопится?
В поту утопится!..

Отец, позвольте отдохнуть,
Вздремну часок — и снова в путь!
Глаза слипаются,
Слова теряются..
Благодарю, но я — в сарай!
Мне и на сене будет рай.
Не избалованы.
Чем вы взволнованы?
Стрельбу вы слышали, отец?!
И долго бой-то шел?

Конец!

Снесли им головы
Руками голыми!

* * *

Не я придумал этот ад!
Я грешен, но не виноват:
Корысть иль выгода,
Коль нету выхода?!
Эх, если и была вина —
Уже расстреляна она
В лесу безлиственном,
В бою бессмысленном!
А с нею... горстка рядовых!
Неужто армия без них
Назад покатится?
Никто не хватится!



* * *

Сон или явь? — Редее тьма
Глухого времени.
Я — у огромного Холма
На лунном темени.

Витают тени и скользят
В мороке бдения,
Мягутся, реют и сквозят,
Как привидения.

Роится зыбь, и рябь кишит
Травы сияющей.
Ни огонька не мельгешит
В дали зияющей.

У всей вселенной на виду,
Средь мира бедного,
Чего-то я тревожно жду,
Чего — неведомо.

И волен я — и нет пути:
В счастливой праздности
С Холма или с ума сойти —
Не будет разницы!..

Я устремляю робкий взор
На грань неверную, —
И развернулся вмиг простор
В ширь непомерную!

Явилась вся Держава мне:
Леса встопорщили
Карпаты в сизой пелене;
Шторма наморщили

С игривой чернью серебро
Морей; и радостно
Кавказа вспыхнуло ребро
В сиянье радужном;



Разволновалась тайгой
Сибирь лазурная;
Пустыни вихревая голь,
Как пламя, бурная;

Качнулся в небе Сахалин,
Дымя Курилами...
...Мне в душу глянул Исполин,
С ее-то силами!

И вдруг пустынный оком
Дрожит, смеркается:
Вдали возникла мгла кругом...
Кольцо смыкается!

Все ближе, ближе, все черней!
Пал на колени я...
Тучнеет овидь от людей,
От толп толпления!

Блужданье всюду, толчея
Несметной копоти!
Вот-вот провалится земля
В пыли и в топоте!

Спешит ко мне, бредово скор,
На Холм таинственный —
Сход мировой, земной собор,
Народ воистину!

Взошли на верх! Гул, гомон, стон!
(Душа, жива еще?!)
Чудовищный бушует сонм
Обуревающе!

Мильоны глаз в меня впились —
Просяще, жалобно;
Моляще руки поднялись!
Что, что им надобно?



Внезапно крикнул я: «Проси!» —
В самозабвении...
И возопил народ: «Спаси!
В тебе спасение!»

Глядь, а у старцев и мальцов,
В красе ль, в убожестве,
Одно лицо, мое лицо —
В великом множестве!

К себе взываю я в тоске,
Один, единственный!
Уж пламя рвется вдалеке
К Холму неистово!

И вот весь мир объяла смерть
Последней смутюю!
И мочи нет в глаза смотреть —
С виной и с мукою!

* * *

Что это: сон или не сон?
Скорей опомниться!
В ушах еще не молкнет стон,
Душа им полнится.

Да уж в своем ли я уме:
Душа отхлынула, —
Она осталась на Холме,
Меня покинула!

Не мне — Другому, кем я был,
Без принуждения
Матрац соломой Клим набил —
На день рождения.



Не мне Андреич, а ему,
Удал смекалкою,
Вмиг на шинели бахрому
Жег зажигалкою.

Его Михайло — не меня —
Учил без устали
Владеть штыком день изо дня:
Мы, дескать, русские...

К его родимой, не к моей,
Хотя опаздывал,
Заехал в отпуске Матвей,
Ему — наказ давал.

Из новобранцев-сосунков
Лишь он сподобился
Идти в поход... И был таков,
Ищи на глобусе!..

Постой!.. Остались живы вдруг!..
И сяду в лужу я!
Сюда нагрянут: «Ну-ка, друг,
Сдавай оружие!»

Пока не поздно, наобум —
Беги оврагами!

* * *

Тсс! Голоса... Что там за шум?
Бадьей забрякали.

Бубнит без умолку старик
И кашлем давится.
Да там народу!.. Ольгин вскрик...
Что с ними станется?



Все! Голове катиться с плеч:
Убьют не мешкая!
Да это же... чужая речь,
Как есть — немецкая!

Ты жизнь, ты жизнь проспал, подлец!
Земля шатается...
А, все равно! Везде свинец
Мне причитается.

Решайся! Стой, сюда идут!
Беда с проклятыми.
Два гада Оленьку ведут
Под автоматами.

Неужто девка донесла?
Иуда рыжая!
Чтоб ты здоровая легла —
А встала с грыжею!

Черт! Схоронюсь за сундуком!
Трясись осиною...
Вот оно что!.. Ее силком...
Ее — насиловать!..

Не упирается, идет...
Не визгнет девица...
Не на тебя ли, идиот,
Она надеется?

Вошли! Ах, черт бы их побрал!
Что, впрочем, сетовать? —
Никто из баб не помирал
Еще от этого...

Фуфайка — в клочья! У, скоты!
На сено брошена!
Нет, не могу! А ну-ка ты!
Давай не трожь ее!



Ах, сволочь! Я ж тебя — в кадык!
Другого — в тулово!
Противно... опоганил штык...
А ты как думала!..

В обиду я тебя не дам
До часу смертного!
А час настал... Ворвутся к нам
Толпой несметною!..

Себя успел я потерять
На стежке узенькой...
Уж если время помирать —
Помру я с музыкой!

Я им устрою! Рана — вздор!
В земле залечится...
Чу, суматоха... Глянь во двор...
Что, фрицы мечутся?

Начальство ждут. Ты вся горишь,
Не заболела ли?
За что меня благодаришь,
Голубка белая?

Как звать? Не помню ничего!
Нет больше имени:
Из доброй памяти его,
Как мусор, вымели.

О, пощади, не утешай!
К кому ты ластишься!..
Зови Десятым — и прощай
Навеки, ласточка!

Ты так пригожа, так добра!
Да если б... разве я...
...Бежит в овраги немчура?
Что за оказия?



Что там за рокот, что за гром?
То танки, наши там!
Прощай! Не поминай добром:
Добра не нажито.

* * *

... Так точно, я прикончил их!
Медаль? За что ж она?
Да я ведь... предал я своих!
Мне смерть положена!

Поверьте, братцы, не шучу:
В бегах, в измене я!
Жить не могу и не хочу,
Мне нет прощения.

Ты прав: с лица земли стереть!
Чтоб было чистое...
Но дайте, братцы, умереть —
В бою с фашистами!

Еще я вас перед концом
Прошу без дерзости:
Скажите матери с отцом,
Пропал-де без вести...

1984



ПРОРВА

1

Пусть не помнит мир добра,
Но добра без мира нету...
Высилася Пуп-гора
В дивованье белу свету.
Ветер прядал наверху,
Мураву струил и морщил,
Ежил, тормошил ольху,
Озорно сосну топорщил.
На горе — валун с крестом,
Уж куда смолы чернее!
Камню прозвище — престол,
Что же, пращурам виднее.
И откуда взялся он,
Нешатимый, неподъемный?
След на нем запечатлен
Пятерни, да преогромной.
Что молчишь ты, Старина?
Забутье ведь не забвенье:
Цапнул камень сатана
В час небесного паденья.
Добрался до наших мест
Некий старец палестинский,
Выдолбил с молитвой крест
На ладони сатанинской.
И лежал бы, как всегда,
Камень тот, угрюмый, голый,
Да Потанюшку сюда
Приволок «пятьсот веселый».



Поезд мчит, вагон стучит,
Не дорога, а досада.
Глядь, в окне гора торчит...
«Это мне как раз и надо!»
Парень мешкать не привык,
Жил глазасто и зубасто,
Был один лишь панталык
У него: «Хочу — и баста!»
Расхлябенил ухарь дверь!
Эх, из трясеи да грома
Сиганул в кусты, как зверь:
«Где же, граждане, солома?»
Он в репьях и в череде
В слободу вбежал влюбленно:
«Баушки, начальство где?» —
«Вота, душенька, и вона!»
Двери лоск, таблички жесть...
Мой Потанюшка — у зама:
«Тут у вас горушка есть...
Чья она, скажите прямо!
Я вас так и сяк прошу:
Жить на ней не помешало б!
Я хибару сгоношу!» —
«Чур, чтобы потом без жалоб!»

3

Растуды твою туды!
Как повеяло весною —
Хлопотал на все лады
Мой приятель под сосною.
Забулдыг и шантрапу
Неспроста поил он брагой:
До снежочка на Пупу
Грудились они ватагой.



Зря аргачились друзья:
«Ты подальше бы от гор-то!
Здесь и черту жить нельзя!» —
«Разве я похож на черта?»
Встряли в дело старики:
«Не боишься ты пожара?
Вот придут из-за реки
Огоньки — прощай хибара!» —
«Сами ползайте вниз,
В духотище, в теснотище!
Что огни? Люблю грозу!
На горе и совесть чище.
Стой, избушка, в вышине!
Обойдусь я без науки
В сатанинской пятерне,
На кресте, на каменюке!»

4

И себе, и жизни рад,
Сел Потанька на колоду,
Ветра спрашивает: «Брат,
Что, если жениться с ходу?»
Ветер сердится: «Дружок,
Ты умен, да не особо!»
Но приносит голосок:
«Я твоя, твоя до гроба!»
Парень хмурится, мычит,
Камушки катает с кручи,
Ветер мечется, и мчит,
И пасет, кудрявит тучи.
Видно, парню невтерпеж:
Невзначай на звезды глянул,
Прихватил фонарь и нож,
В слободу ночную канул.
Не дыша нырнул во двор,
Каблуком в косяк побрякал.



«Кто там, слышь ты?» — «Зимогор!»
Щелкнул крюк, засов зазвякал.
«Что тебе?» — ворчит вдова
Без досады, без испуга.
«По причине естества
Я к тебе пришел, подруга!» —
«Ты в глаза-ти не свети!
Жахну — долетишь до Буя!
Хошь до пят озолоти —
В дом тебя не позову я!» —
«Что мне дом, когда ты здесь!
Говори такое — вору!
Мы с тобой по чести честь,
По любви, по договору.
То не я — моя тоска
Приневоливает к месту.
Жить хочу наверняка,
Я себе ищу невесту.
Ты лицом в нее точь-в-точь!
Столько ж гонору и воли!
Правда, мамина ты дочь,
В ней добра, видать, поболе...
Как же я ей буду рад!
Как же без нее мне тяжко!
...А тебе — ни сват, ни брат...» —
«Поцелуй меня, дурашка!»

5

Дом немел, молчала мгла,
Звезды зыбила прохлада,
А за лесом туча шла,
Словно вырвалась из ада.
Тучу как бы кто-то вел,
Гнал незримою рукою;
Необъятен и тяжел,
Мрак воздвигся за рекою.



Ухажер, к окну прильни!
В вихре гривы вся и в дрожи
Вскрикнула вдова: «Огни!»
А Потаня: «Ну и что же?»
Свят, свят, свят! Зажмурь глаза!
Гром слободку в землю вдавит!
Дробью грянула гроза —
Кровлю град всю дырявит!
Стонет сад, и тын трещит,
Дом надумал повалиться.
«Глянь на гору!» — верещит,
Мелко крестится вдовица.
Впрямь, Потанюшка, дивись:
Там, под вопли ветровые,
Завертелись, завились
Золотые, шаровые!
И в сиянье громовом,
В жутком круговом разгуле
Юркнули к Потане в дом —
Словно в грудь к нему нырнули!
Жар в избе кипья кипит,
Пламя злобно озорует!
«Я горю!» — бедняк вопит,
«Мы горим!» — вдова благует.
Дождь хлбыщет! За порог
Не отважишься без лодки!
Не горюй, не плачь, браток:
Уезжай-ка из слободки!

6

Как не так! Потанька наш
Тешет, пилит, конопатит...
Обуял его кураж:
Спину до ночи горбатит.
«Чтоб грозе я уступил!
Человеком кто зовется?»
Он сосну с ольхой срубил,
Камень только не дается.



Может, мстительный огонь,
Что взыскующе рокочет,
Сатанинскую ладонь
Опалить и выжечь хочет?
И, на счастье иль беду,
Даром что в трудах запарен,
Пятилучную звезду
На ладони высек парень.
«Ша теперь! Небесных сил
Адской метой я не мучил!»
Сруб на камень взворотил
Да и крышу нахлобучил.
На крыльце сидит резном,
Как дитя, ногой болтает,
Скуки ради перед сном
Звезды светлые считает.

7

Эва, Лось Крылатый Рог
Мочит хвост в реке тоскливо.
К слободе Илья-пророк
Катит-скачет торопливо.
Глянул на гору Илья:
«Нынче звезды над крестами!»
Ярых молний острия
Он опробовал перстами.
«Как бы нам не сплеховать,
Ведь годков-то уж до страсти!
Ладно б и побушевать —
И в людей не угораздить!
Ишь ты, с бабой на крыльце!
Сочетался сивый с рыжей.
Позабыли о Конце!
До чего ж народ бесстыжий!
Я людишек не люблю:
Бога взяли аж за грудки!



«У, кишками удавлю
Душу!» — их урчат желудки.
Так живут, как будто в рай
Уползают их дороги...
Трепещи и обмирай,
Вспомни, гордый червь, о Боге!
Кто себе закон и власть —
Враг сему и всем от века!
...Как бы в дурня не попасть.
Бога жаль, не человека».
Накагило на Илью:
То-то с неслухов он взыщет!
Мечет за змеей змею,
Стрелами свирепо прыщет.
Смрада вихрь, огня клубы!
В ужасе Потанька стонет;
Смерть лютует вкруг избы,
Но и щепочку не тронет.

8

В слободе переполох:
Драят окна, красят крыши;
По конторам ах и ох:
Ждут-пождут начальство свыше;
В нужник и в иной конфуз
Льют сироп и в ус не дуют;
Тыкву мажут под арбуз,
Под шкатулку гроб малюют;
Жгут на пустоши утиль:
От заразы, если спросят;
Брызжут-прыщут клеем в пыль;
В горсаду часовню сносят;
По дороге тащат вскачь
(Чем дороженька не скатерть?)
Счетчик Гейгера ветврач,
А главбух миноискатель.



Уж в ларьках не врут весы,
Тают денежки в карманах;
На задворках воют псы,
И коты ревут в чуланах...
...Трубачи из гроббюро
Громыхнули маршем — чудо,
И заекало нутро
У трудящегося люда.
На трибуне САМ возник,
По бумажке речь затеял,
Забубнил, но ветер зык
В даль унес — и там развеял.
«Ловок дядя говорить!» —
Даль, поди, сказать хотела,
Но вскричала: «Гору срыть!
Сталь народу! Долг и дело!»

9

Не сносить нам головы:
Мы стоим, а время мчится!
...Где Потаня? У вдовы
Уж который год ютится.
Где теперь его гора?
Ни один дурак не знает:
Там бездонная дыра
Пастью черною зияет.
Если ветер замолчит
Иль уснет порой ночью,
В прорве той на стук стучит...
Уж не Сердце ли Земное?
Ох, народ на все лады
Яму адову поносит:
Грозы мимо слободы
Без дождиночки проносит.
Ключ Гремячий вдруг исеяк,
И в колодцах нет воды-то...
«Что-то, братцы, тут не так!» —
Слобода бунчит сердито.



Зной на воле — спасу нет!
Ветер веять притомился.
В самый главный кабинет
Водяной пыхтя ввалился.
«Здравы будьте, ваша честь!
К вам ни в жисть я не пришел бы,
Да такое дельце есть
У меня для вашей шоблы!..
Мог я накудесить втай,
Но питаю страсть к народу.
Ты живей команду дай,
Я же дам немедля воду.
Посмотри-ка мне в лицо!
Видишь, нету лжи во взоре!
Подарю вам озерцо,
Не хватает сил на море.
Презираю я людей:
То смирение, то буйство,
Но добуду лебедей:
В душу мать, валяй любуйся!
О себе не очень мною:
Водяных в округе тыща,
И, однако, пригоню
Я стерляжий косячище!
Дам русалок хоровод:
При луне — за павой пава!..
Вам — туристы и доход,
Мне — спокойствие и слава!»

Не в толпе, не на пиру —
Ввечеру над ямой черной
Да по росному мокру
Брел Потанька удрученный.



Обуяла ль пустота,
Глубина ли покорила, —
Тщетной жизни маета
Душу болью истомила:
«Только труд, жратва, постель!
Хороши у нас порядки!
Да за тридевять земель
Убежать бы без оглядки!
Ведь в аду сулят нам рай!
Правда лживая на что нам?»
Вздрогнул и на зыбкий край
Стал Потанюшка со стоном.
Обомлел — и глянул вниз...
Гибель — слеп ты или зорок!
Кручи жуткие неслись,
И на дне клубился морок.
Стой, что там за огонек?
Меркнет, вспыхивает кратко...
На живот Потаня лег
И в траву вцепился хватко.
Близится, горит светляк,
И трепещет, и сияет...
Родниковой стужей мрак
Щеки нежно освежает.
«Да ведь я не над рекой!
В яму как звезда попала?»
Хватъ звезду — и под рукой
Зажурчало, заплескало!

12

В кипь кипит Гремячий ключ,
Гулом бор округу мает,
А в бору — космат, мигуч —
Озорно костер пылает.



Полыхнет огонь навспых —
В страхе тьма в чашобу мчится;
Глядь — орава домовых
У костра тайком теснится.
В паутинном армячке,
Хилый, седенький, горбатый,
Примостился на пеньке
Ой да Старший Брат кудлатый.
Причитает, плачет он:
«В слободе я жил без оха,
А теперь со всех сторон
Мох поганый да елоха!
Крысам воли не давал!
Тараканов нет в помине!
...Залило родной подвал —
И куды деваться ныне?
Озверел Потанька мой!
И от злобы ведь не чахнет!
Позабыл он путь домой:
Дескать, дома гнилью пахнет.
Льнет голубушка-жена,
А дурак-то: «Надоело!
На черта ты мне нужна?
Как лохань, заплесневела!»
Тише! Знаю: и у вас
От беды мужик лютеет.
Близок, близок горький час:
Край родной осиротеет!
Чемоданами стучат,
Плачут, бедные, в напасти,
Вслых начальство матерят —
Ни народа нет, ни власти.
Нам пора бы тоже в путь!
Братья, деется по Слову!»
Боже мой, в лесную жуть
Моросит без останову.



Стой, Потанюшка, вернись!
Смута смут не всюду разве?
Но, поглядывая ввысь,
Резво он идет по грязи.
Пусты, серы небеса,
Даль великая обманна,
И заката полоса
И уныла, и туманна.
Гол средь лета березняк,
В ельне желтизна крадется,
По лугам — кишит слизняк,
Червь несметный в поле вьется.
«Ты прости-прощай, вдова!
От тебя ушел я тайно.
Что прощальные слова
Для того, кто жив случайно?
Что забота, что приязнь?
Даже и святыни мнимы,
Ежели на глум, на казнь
Землю нашу обрекли мы!
Я ничем не дорожу!
Вере радужной — проклятье!
От тебя ли ухожу?
Нет, иду себя искать я!»

14

У Прощального холма
Наш беглец перекрестился...
Встрепенулась в небе тьма,
Ветер взвыл и забесился.
Ох, Потанюшка, беда!
Удирай-ка, ноги долги:
Черный Столб спешит сюда,
Дух нечистый рвется с Волги!



Он к слободке напрямиком
Устремился неминуе.
Неумолчный злобный гром
Рушится из тяжкой тучи.
Реют молнии в Столбе
И друг друга жалят яро.
Как же быть, мой друг, тебе?
Это знаменье иль кара?
Рев ревет, и гуд гудет,
Божий мир затмило страхом.
Не гора ль назад идет —
И камнями, и прахом?..
И беглец оторопел,
Бледный, мокрый и плюгавый:
«Вовремя же я успел
Увернуться от Костлявой!
Пропадай же все кругом!
Жаль-то жаль, да нету силы».
И пустился он бегом
От слободки — от могилы!
Ах — и замер на бегу!
Застонал, кусая губы:
«Что же это? Не могу!
Люба там! Как я — без Любы!»
И метнулся к слободе —
В неумной коловерти,
В сутемени бурной, где
Власть любви и воля смерти.

1988-1989



НА ГОРЫНИ

1

Как под ивою, чья светла кручина,
Размечтался лесник да у промоин...
Рыжевихр по-лешачьи старичина,
Оком зелен, настырен и проворен.

Хорошо д' на валун облокотиться —
Чтоб прохрустнули зерна у намого!..
— А река, значит, катится-катится...
Здорова ли ты, матушка, здорова?

Это я, значит, Федька. Помнишь лето? —
Ты меня, сосунка, топить хотела.
Положил отомстить тебе за это:
«Ну, проклятая, чтоб ты обмелела!»

Взял я заступ, послал вперед сороку,
Эхо кликнул и шавку удалую
И пошел к твоему, Горынь, истоку:
Дескать, я ей родник-то замурую!

Двадцать верст отмахал пропащей ельней, —
Отыскал тайничок в болотце-блюдце.
Глянул... Батюшки, льется еле-еле,
В ложку боязно было б зачерпнуться!

Столь уж хил, столь невзрачен был ручьишко —
И угрюмы над ним лесные крепи...
Засмеялся я, стало в сердце чисто,
Словно скинул с себя пудовы цепи.



Пожалел, полюбил тебя я, значит!
С той поры без болезни я болею:
Все мне слышится, кто-то где-то плачет,
Уж никем-никого, а я — жалею...

Что ж, людей-то, родная, жалко тоже!
Только якобы «жалость унижает».
И бумажка подчас тебя дороже,
Да когда ж человек подорожает?

Эх, дурашка! Любому жить желанно,
Пусть не смыслит, зачем и как, порою...
Что ж тут думать? Родился ты — и ладно!
Значит, надо! раздуть тебя горою...

Мертвым — что? Ни почета, ни помина —
Ничего-то им, милая, не нужно.
Ан не умерло то, что их томило:
Ихней мукою сердце в нас недужно!

Ты живого уважь меня, живого!
Никого я не выше и не ниже!
Может, жил я на свете бестолково,
Но — как совесть велела, не бесстыже.

Коли честно — ни волк я, ни овечка,
Но милел я душою всей к народу...
Да за ласковое одно словечко
Зверь — и тот за тебя в огонь и в воду!

Лютый зверь, косолапище берложье,
Щур лесной — он по рыку ровня грому.
За меня он родную мать заложет,
Столь клыкаст, столь космат и столь огромен.

Я вспоил, я вскормил его как сына,
Поубавил и страха в нем, и злости.
Что ни вечер — приходит Миша в гости,
Любо мне: я в лесу не сиротина.



А ведь был-то... шапчонка-меховуха!
Пес глядел на него Наполеоном.
Слушал лес непутевого вполслуха:
Нет приязни к подкидышам в Зеленом.

Напоил я его твоей водою,
Мать Горынь, — неизбывной, приворотной:
Пусть навек не расстанется со мною,
Да не будет сумою переметной!

Кременеет пусть костью он и туком,
Кровным корнем и жилою воложной:
Мне досталось сердце не по мукам —
Да несет мои муки зверь берложный!

Легче пуха ему мои печали:
Дикой кровью кручину поразмечет,
Изойдет она мылом на мочале;
Он от смертной тоски меня излечит.

Стыд и срам человеку злобной болью
Опорочить лучистый свет пречистый!
Не хочу я родимое раздолье
Запятнать, обесчестить тенью мгlistой.

Я лесник, за живую плоть радею,
Не смотри, что по-волчьи не улыба.
Лес рождается — с ним я молодею;
Что мне деньги — мне дорого спасибо.

2

Ветер шепотный в лесу повеял;
То хвоинки брызжут или искры,
Иль багрец-закат игру затеял...
Где-то кнут пастуший... Или — выстрел?..



Уж Чигирь-звезда блеснула влажно;
Чутче лес, гряда его ветвистей, —
Скоро ель любая — стоэтажна.
— Что такое? В самом деле — выстрел!

Константин! Костюшка — не иначе!
Неспроста вечер приснилась кровка!
Отпросился, отпустили, значит.
Помнит, где патроны и курковка.

Ждет, зовет! Бери-ка ноги в руки,
Старый хрыч! Николка с ним, поди-ка!..
Вся моя отрада в милом внуке:
Светлый мальчик, Ника-земляника!

Принимай, Горынь, отца и сына,
Я уж буду за святого духа...

Вот идет на хутор старичина:
Богатырь, а поступь — легче пуха.

И шагает вроде неторопко,
Но иной вприпрыжку не догонит.
Самоходка, что ли, эта тропка?..
Впрочем, мало ль на Руси диковин!

— Будь здорова, матушка березка!
Мать осина, здравия желаю!
И откуда столько вас берется —
Вот над чем я голову ломаю!

Ничего, чай, не было когда-то:
Ни меня, ни вас — самой землицы!
Значит, надо было нам, ребята,
Хоть умри, на свете появиться!



А зачем? Чтоб жить — куда как просто!
Ну а жить зачем? Для жизни, братцы!
В ус не дуй годочков эдак до ста —
Не обидно в гроб перебираться.

Неужель живое, все живое
На прокорм червям зачато было?
Что за дрянь придумала такое?
Что за мразь такое допустила?

Скажем так: я сына бы родного
Вынянчил, как водится-ведется,
А потом бы с берега крутого
И... того? Язык не повернется!

Где же правда, если смерть в зените?
Был бы властен — смерти бы на горе
Повелел я: «Ну-ка, все живите!
Да чтоб вечно, дети, и без хвори!»

Уж Курносой задал бы я перцу,
Не в пример природе, дуре сонной...
Эх, деревья, дать бы вам по сердцу,
Стал бы лес, как я, — неугомонный!

Но и вы, ребята, из ретивых:
Кто кого, хватай его за горло!..
Вот беда! Попробуй, укроти их:
Корни жгут землю, словно сверла.

Вот идет сей Федор уязвленный,
Поспешает... Вечер настагает.
Не кольнуть бы — древний, сокровенный
Хмурый ельник лапы отстраняет;



Не споткнуть бы — корень узловатый
Тихо утопает перед шагом;
Мягко ли идетя — мох примятый
Под ногой вспухает над оврагом;

Славно ль дышится — густеет воздух:
Одного на сутки хватит вдоха.
Захоти — и небо будет в звездах,
Запрети — и в темноте неплохо.

Сын земли, ты матери угоден,
Не ищи в родной стихии брода!
Ты свободен, ты всегда свободен,
Если есть в душе твоей свобода!

Старина, а ну-ка в гору ходче,
Чтоб шаги в единый шелестелись!
Солнце село. Хочешь иль не хочешь:
Осень русская — такая прелесть!

Что за звон в осиннике! А вербы? —
Каково насвистывают нежно!
Это голос паутинки первой?
Или капли? Вслушайся прилежно!

Что за свет? Твое ли озаренье,
Иль былинки брезжат, словно вешки...
Искорка — и та маяк в затменье!..
Ты взглядишь любовно, без усмешки.

Федор воздух, воздух, воздух стылый,
Воздух щупает ноздрями спешно:
«Фу ты, сколько гари напустили!
От бензина, что ли то, кромешно?»



Ну, дела-а!»

У дома лесникова —
«Жигули!» — «Купил-таки игрушку!»
Маков цвет — Костюшкина обнова,
Хоть молись на чудо-легковушку!

Обошел старик ее с опаской:
Не задеть бы, значит, ненароком...
И под пылью блещет красной краской —
Словно пламя из домовых окон...

Взвела дверь — и на крыльцо мальчишка!
Опрометью дедушке на шею
Кинулся! «Колюнька, что молчишь-то?
Как вы там? Уж так тебя жалею!»

Светлый мальчик! Млечный волос нежен:
На него взгляни — пошевельнется.
Только серый взгляд не безмятежен:
Засмеется — грустно засмеется...

Сколько в нем тревоги ... и покоя!
Словно он виновен перед вами...
И у жизни вызнал он такое,
Что нельзя и высказать словами...

Тихий мальчик. Если ж расшалится —
Сам себя он буйством напугает.
Так отчаявшийся веселится,
Радостью своей пренебрегает...

«Что с тобой? — Старик содвинул брови.
— Где отец?» И тут белее мела
Федор стал: он запах чует крови!
Потемнело

Небо, земь шатнулась,
Сердце сжалось, стиснулось в комочек...
«Костя где?» — насилу прошепнулось.
«Коля... Сын...» — старик едва бормочет.



«Всем привет! Оваций нам не надо!»
Из кустов походкой легкой, ловкой —
Константин! Ружьишко вверх прикладом, —
Вмиг признал лесник свою курковку.

«Жив, здоров!» Старик взирает хмуро
То на сына, то на внука: нету ль
Тут подвоха... Жизнь такая дура,
Что порой без взлома — двери с петель!..

Ну а им смешно, молокососам!
Ничего, еще хлебнете лиха.
«Захотелось «босиком по росам»?
Марш в избу! Да чтоб сидеть мне тихо!»

На столе блаженствует брусника, —
Аж вокруг пунцово и румяно;
А графин горит («Еще плесни-ка!»):
Клюквин сок сияет, рдеет рьяно.

Самовар, сверкающее пузо,
На парах — и радостен, и розов;
И от початого царь-арбуза
Вольно тянет сладью и морозом.

Ох, душна ты, редька, черта злее!
Терта-перетерта и сметанна.
Помидоры блещут, багровея,
Отлитые словно из металла...

Ба, и ты, голубушка картошка!
С чесночком ли варена? Добро же!
«Где гармошка?» — «Кончилась гармошка». —
«Ну и ладно: тишина дороже!»



Дом родной! Веселье из веселий!
Константин примерно прослезился.
(А лицом он вылитый Есенин,
Но волос на темечке лишился.)

«Ах, отец, да все я понимаю,
Не был сын твой ушлым или дошлым!
Ну... любовь к земле, к родному краю...
Ваши корни в прошлом, только в прошлом!

Что ж, и мне воспоминаям дорог
Мой исток, Горынные излучья...
С той поры, как я уехал в город,
Горсть земли со мною неразлучна.

Вот!.. В ночном, бывало, на Горыни!..
В храп храпят приятели и други,
Я ж сижу тихонько на плотине, —
В ожиданье, в радостном испуге...

Черт возьми! До трепета неровно
Ходит сердце... Что это со мною?
Ветхие подрагивают бревна,
Черные под ясною водою...

Блещет, вьется, нежится, струится,
Так свежа, упруга и студена!
И похоже — смыть меня стремится
В омут черный! Вот уж где бездонно!

Глупая! Как глупо все в природе.
Утону — она мокрее станет?
Где корысть? Но мне-то жутче вроде:
Не она — так Водяной утянет!

Знаю ведь, что нечисть — бабьи сказки!
Наплели глупцы и суеверы!



...Не могу преодолеть опаски, —
Это в нас от зверя, от пещеры.

Вот уж под русалочьи распевы
В глубине подьмется, блистает, —
Из клокочущей на сбросе пены
Голова седая вырастает!..

Где они — журчание и лепет?
Прыщет и шипит по-круговому,
Брызгами того гляди ослепит,
Струи что веревки тащат в омут!

Ах, канава старая! Добро же!
С детства обожаю поединки!
Хвать жердину, приналег до дрожи, —
Выковырнул бревна из плотинки!

Что, взяла? Дури себе на воле!
Хохочу, на берег бесом взвился:
Словно сам томился на приколе,
Словно сам, чудака, освободился...

Хорошо! Но этим ли гордиться?
Я смутился вдруг, разволновался, —
Будто некую презрел границу,
Или хуже: с якоря сорвался!

И легко — и больно, вот морока!
Сам себе придумываю муку...
Тут и прилети твоя сорока:
Не сходить ли, дескать, на излуку?

А излука — мне сама навстречу:
Валуны, заря, волнозеркалье;
Вольное по вольному поречью
Голубое, алое сверканье!



На Святом на камне восседаю —
И совсем один в огромном мире;
Словно я по космосу блуждаю,
Мчусь на глыбе в пламенном эфире...

Он стремится вокруг меня камня
И журчит, поет прозрачной ясью,
И слепое зыбкое движенье
Счастью сродни... и безучастью.

Алчная меня объяла бездна, —
Мысли луч в безбрежье угасает,
Разум мой унижен! Бесполезно
Мысль в охранном чувстве воскресает!

Ах, отец! Не почестей, не выгод, —
Я хотел перед судьбой не никнуть,
Звездами владеть, мирами двигать,
Время обуздать, во все проникнуть!

Нет, не тлен я, не сосуд скудельный, —
Я еще в пеленках изнываю;
Я душой вселенной беспредельней,
А себя достоин ли — не знаю...

Светом стать, бессмертным и творящим,
Не дано нам только на пороге:
Добрым, вещим, вечным — настоящим
Человеком вольным быть в итоге!

Долго ждать! Меня и осенило:
Не постыдны выгода и почесть, —
Не природа — сам я позабочусь,
Чтоб при жизни был я ум и сила!

Там, лишь там, в тысячеустых толпах,
Мысль моя, как молния, могуча!
Нежусь я в рукопожатях теплых,
Хоть суров для виду, словно туча.



Даже взор несправедливо злобный
Косвенно мне льстит: я что-то значу,
И со мной считаются! В подобной
Переделке нервов я не трачу.

Никогда не лезу вон из кожи,
На рожон не пружу, — и торжествую;
Туго мне приходится, и все же —
Я здоров, я мыслю, существую!

Угол есть, работа — всем на диво,
Хлеб насущный и подруга жизни,
«Жигули» и дача... Жил красиво —
Скоротаю дни без укоризны.

И скажу не в шутку, не в забаву:
Всем обязан го-ро-ду! Он гимном
Каменным вознесся мне во славу, —
Вечности сосуд в пространстве гиблом!»

Хмур лесник. И чарочка — пустая.
Снял очки. Устало приподнялся.
Молвил грустно, глаз не поднимая:
«Был ты Константином — и остался...

Лучше объясни мне ради бога:
Ты зачем стрелял? Скажи на милость,
На душе какая-то тревога...
Что случилось? Или мне примнилось?» —

«Ты о чем? А! Все, отец, как надо.
Я иду к колодцу, а навстречу
Вдруг — медведь! Страшилище! Громада!
И ревет-страшает: «Изувечу!»



Проглотил он пулю и не ойкнул,
В лес удрал, велел поставить свечку!
Напугал дурак лохматый Кольку...» —
«То-то кровью пахло у крылечка!

Так, сынок, спасибо, не забуду...
Чтоб наелся ты песку речного!
Брата своего убил, аркуду, —
Моего, рощеного, ручного!

Больше не увижу я беднягу!
И не жди добра от этой встречи...
Ты куда, Колюнька? В лес — ни шагу!
Отомстит Михайло за увечье!» —

«Папа... ты... Так ты стрельнул не в небо?
Ты «придумал»? Я тебе не верю!
Он меня не тронет! Дайте хлеба!..» —
«Воротись!» А Коля уж за дверью!

3

Свежей мглою я лес упокою.
Мгла, из черного солнца истекши,
Расплеснулася мертвой рекою,
Смыла начисто тропки и стежки.

Сон лесной ожидающе чуток,
И собой тишина тяготится,
И не знает никто, почему так
Склонен мир и таиться, и тьмиться.

Тишина... По листве по опавшей
Не пройти не шурша и микробу..
Светлый мальчик, невольник папашин,
Окунулся в слепую чашобу.



Тьма приветно взяла человека,
Дескать, ладно, малыш, успокойся...
«Где ты, дедушкин бедный калека?
Я найду тебя, только не бойся!»

Щеки робко ласкает прохладца.
Куст-задира дороги не застит.
Рук деревьям отраднo касаться,
Осенять им детеныша — счастье!

Эхо голоса ждет не дождется,
Чтоб от радости крикнуть стократно.
Где-то рядом ручьишко смеется,
Болтовня его сердцу понятна.

Поскользнулся беглец, спотыкнулся
На хвостом на склоне корнистом!
Тотчас ветер со свистом взметнулся,
Мигом ветер взметнулся со свистом!

Закружилась мгла, всколыхнулась
И завьюжила чернью и синью,
Заунывное эхо проснулось,
Взвыл зверино обрыв над Горынью!

Загудела угрюмая чаша,
Заскрипели вершины, и стоном
Корни стонут, и злобно урчаща
Ручьевая вода под уклоном.

Светлый мальчик! И зябко, и жутко!
Искрапивлены руки — до зною.
«Ты не бойся, не бойся, Мишутка!
Я спасу, я иду за тобою!»

Сердце бьется, где разум сдается,
Лишь ему достается победа,
Сердце бьется, и счастье куется
По велению сердца-всеведа!



Исхлестались ветки — до визга,
Что ни дерево — дереву ворог!
И над лесом зловеще воздвигся
Обстающий созвездия морок.

Тут мелькнуло... мигнуло... погасло...
Замерцало... затеплилось ровно —
Так призывно, так зелено-ясно —
Что-то в дебрях!..

«Папа! Дедушка!» — И по чапыжью,
По дурнине, колочей, хрипящей,
Коля бросился! «Вижу я! Вижу!»
А сияние мреет над чашей.

Задохнулся, сознание в тумане...
(Как, не веря, мы верим в обманы!)
Видит: что-то горит на поляне,
Смотрит: кто-то стоит среди поляны!

И во сне ты такого не видел!
Полыхает во мрачном безбрежье —
Скотий бог, незапамятный идол:
Лик людской, ну а тело — медвежье!

Пламя хладное вьется вкруг бога,
Бирюзовые тени витают...
На безумного мальчика строго
Беспощадные очи взирают.

И звезда (не найдете ярчайшей!)
Содрогнулась, поблекла, пропала
Над гудящей, над губельной чашей
И — сияет, как прежде сияла.

1979



НИКОЛИН ДЕНЬ

Ночь месячна и звездна,
Светла родная тьма.
Смиренно и морозно
Черно-белы дома.

Глухого околотка
Снега — под небеса.
Утешно спит слободка, —
Ни сторожа, ни пса.

Захоровели ели
У монастырских врат.
В истоме келий — велий
Молитвенный обряд.

С восторгом и со страхом
Моление твори:
«На Тя бо уповахом...
Мы людие Твои...»

* * *

Вдруг взлаяли дворняги:
В калитку — стук и толк!
В кладбищенском овраге
Взвыл оборотень-волк.

Ель сонно лапой машет —
Под лошадиный всхрап.
Ключом гремит монашек:
«Кто тамо?» — «Божий раб».



Согбен, дыханьем шумен
И с опочива хвор,
Поспешливо игумен
Приковывлял на двор.

Пред старцем, агнца кротче, —
Купец, пресановит:
«Благослови мя, отче». —
«Господь благословит.

Отколе будешь, чадо?
Какая в нас нужда?
Не ночевать ли надо?» —
«Беда, отец, беда!

Ох, сердце бьется яро,
И тягостно — до слез:
Тебе я вместо дара
Покойника привез.

Он был в бору Гремячем
До ниточки раздет!
Что мы для Бога значим,
Коли спасенья нет?

Купец я — без имения;
Последние гроши
Возьми на погребенья
И на помин души.

На что мне деньги ноне?
Я, грешный человек,
Монахом на Афоне
Свой скоротаю век».

Ему игумен строго:
«Глаголишь — аки тать!
Нишки, на волю Бога
Не смеешь ты роптать!



То знает Царь Вселенной,
А уж не ты, гордей,
Погиб ли убиенный
Или его злодей.

Не воссиять лачуге
Часовней на юру.
Чрез страсти да недуги
Твоя стезя — в миру!» —

«Добро, отец Порфирий!
Горю — как головня.
Благой затвор и вырей,
Видать, не про меня.

И верно: что мы ищем? —
С собою носим грех.
Вернусь домой — и нищим
В канаве сдохну... Эх!»

Полозья завизжали,
Взыграл колоколец,
По звездной яри-ржави
Метнулся лунный лес.

* * *

О, милое бывшее!
О, бесшабашный пыл!
Дерзанье удалое
Грядущий день сулил.

Ни в мыслях сбоя-шата,
Ни трясеи в руке.
Топорщились деньжата
И млели в кошельке.



Слезами, потом, кровью
Укрепы снесены:
Ни дела, ни здоровья,
Ни дома, ни жены.

...Судьба мрачит-морочит
Глубины синеве.
Уж стрекотмя-стрекочут
Кузнечики в траве.

Златые коковицы
На грядках вздынул лук.
Все чаще птахи-птицы
Глядят на дремный юг.

Немое солнце щедро,
Да тени жар крадут.
Внемли: земные недра...
Гудят они, гудут!

Мак отпылал, и сладко
Еще горошек юн.
Уцеписто и хватко
Тын оплетает вьюн.

Ах, и дорожка вьется
И прядает в кусты.
Бредет — куда бредется
По ней... Иль это ты,

Купец... бродяга нищий?
Не снова ль на Афон?
Батог, котомка с пищей,
Кургузый балахон...

Спят на плече могутном
Смазные сапоги...
Эх, на пути беспутном
Плоть нежить — не моги!



Над пылью, тленом, прахом
Отчаянье таи.
«На Тя бо уповахом...
Мы людие Твои...»

* * *

Синь-зелен, в блеклом зное
Гремячий бор возник.
Тут где-то, под сосною,
Был убиен старик.

И стройно, и крылато
Вздыхает вышина.
А, вот она, сосна-то,
Чешуйчата, красна.

Под ней — в рубахе белой
(Вдруг сердце ек да ек!)
На корчи обомшелой
Какой-то паренек.

Сидит и молча плачет.
Быстрее веретена —
Вкруг сидня белка скачет,
Восторженно-шалына.

И сосны, и ольшаник
Сияючи — насквозь.
Кричит рыдальцу странник:
«Тю, паря! Что стряслось?»

Юнец, глаза прищуря,
Так молвил пришлецу:
«Отца, мил друг, ищу я,
Тоскую по отцу.



А где его искати?
Чужбина — что полон.
Ужель убили тати,
Неужто помер он?»

Тут нищий: «Чу, в овраге
Погиб один старик...»
И на плечо бродяге
Взметнулась белка вмиг.

«Да, здесятка, в яруге,
дух испустил бедняк, —
В кровавом смертном круге,
Растерзан, сир и наг.

Кто был в богатстве холен,
Тот нынче — глыба льда!
Я в монастырь Николин
Отвез его тогда». —

«Мил друг, а далеко ли
Обитель та, скажи!
К монастырю, к Николе,
Тропу мне укажи!» —

«Тропинный путь неведом,
Я с лесом не в ладу.
Ступай за мною следом:
К игумену иду».

* * *

Жизнь брeнная — далече!
Всю ночь в монастыре
Пылают, плачут свечи,
Дух вознесен горе.



Днесь не воскинет Каин
Над Авелем кулак:
«..Нищ есмь и окаянен...
Помилуй, яко Благ...»

Подъемлются молитвы
К Эдему, как лучи;
Звонят незримой битвы
Словесные мечи.

И с голубой завесы,
Что Божий мглит Престол,
В изнеможенье бесы
Спадают в скорбный дол.

Мелькают в страхе тени,
Свергаясь и паря...
Край подвигов и бдений
Благослови, заря!

* * *

Светло, свежо, румяно.
Заря — что Горний Град.
Сиза волна бурьяна
У монастырских врат.

Ель росной лапой машет.
Зубаст замка осклаб, —
Ключом звенит монашек:
«Кто здесь?» — «Божий раб».

Сугорб, и многодумен,
И не по хвори скор,
С крыльца отец игумен
Спускается на двор.



Пред ним — младенца кротче,
Купец поклон творит.
«Благослови мя, отче!» —
«Господь благословит». —

«Эх, сердце рвется яро!
Прости, я нищ, я гол.
В обитель, вместо дара,
Я гостенька привел».

Ан старец и не слышит,
На юношу глядит;
Он онемел, не дышит,
Духовным взором бдит:

«Кто сей, столь ясный ликом,
Кто безмятежный столь?
Дивуюсь, поелику
Мрачит все лица боль,

Туманит первородный
Неискупимый грех.
Нет, сей ни с кем не сходный,
Инакий среди всех.

Распутый, бездорожий
На нем не зрю я прах.
Сей отрок — Ангел Божий!»
Вострепетал монах.

А отрок: «Богу слава!
Хочу возжечь свещу!
Пропал отец мой, авва,
Я здесь отца ищу.



Родимый в день Николин
С моих сокрылся глаз.
Дерзаю знать, не он ли
Был погребен у вас».

* * *

Жизнь-суета далече.
Мгла, тишина, покой.
Пылают, плачут свечи
Глубоко под землей.

Юнец и старец — оба:
И тени — и огни;
Одни у долбня-гроба
Безмолвствуют они.

А! С тяжким стоном, слышь-ка —
Ох, не сойти б с ума! —
Сползла ли с гроба крышка
Да на землю сама!

Ткань старец подымает,
Губами шелестит..
В гробу... горит-сверкает,
Сияет и блестит!

Что серебра и злата!
Что слитков и монет!
А где ж мертвец? Куда-то
Исчез — и кости нет!

Где юноша пригожий?
И след его простыл:
Недолго Ангел Божий
У братий погостил.



* * *

Восходят грезы дола
Огнями в вышине.
Игумену Никола
Явился в тонком сне:

«Ты Божиим щедротам
Дивись, да разумей:
Ни вдовам, ни сиротам
Клад раздавать не смей.

Ты нищим и калекам
Дай хлеба оберучь.
Созиди человекам
Храм Света — выше туч!

Благоугодней ныне
Питать не плоть, но дух,
Дабы в мирской пустыне
Свет Горний не потух!»

* * *

Жизнь брeнная — далече!
Всю ночь в монастыре
Пылают, плачут свечи,
Дух вознесен горе.

Глас реет благодарный
Над торжеством крестов:
«О Свете златозарный,
Угодниче Христов!



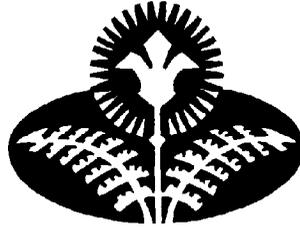
Средь бурь недоуменья
Ты благостный елей!
Даруй нам утешенье,
Забвение скорбей.

О перст Господней длани,
Унынье отведи,
От мятежа и брани
Спаси и соблюди!

Тебе очей отрада —
Умильная слеза,
Христова винограда
Блаженная лоза!»

1992





Содержание

Поэзия Виктора Лапшина	3
«Мой друг! Мой брат! Такое дело...»	6
Видение	7
Сказка	9
Осень	10
Святогор	10
Распев	12
Кручина	15
Бессонница	16
Гляди и думай	16
Скудель	18
«Боготворю родное слово...»	18
Пришествие	19
Поздно	21
Святая правда	22
Отец	23
Микула и тать	26
В нетях	29
«Грядущее грозит мне горем...»	30
Заколдованный круг	30
У райских врат	32
Клена	33
Спроси у себя	34
«Что в человеке человечно?...»	34
«В земном таится неземное...»	35
Без света	35



Посвящение в философы	36
Никто	37
«Не одно, так другое воспрянет...»	37
«О, если смутная година...»	38
«Жди! Былое всецело воспрянет...»	38
Тайна	39
Признание	40
Слово	40
Лужайка	41
Озарение	42
Слово Илариона	42
Мир осенний	42
Светлица	43
Так будет	44
Микула	46
Озорник	47
Антей	48
Беда	49
Тростник	51
Старики	51
Мысль	52
Несчастный	52
«Ничем я тебя не порадую...»	53
Миг	54
«Погибать нам не впервые...»	55
Край	55
Соседке	56
Может быть	56
Навеки	57
Во тьме	58
Старик	59
Осенняя жалоба	60
«Не вопрошай, не искушай...»	60
Ночь	61
Крест	62
Джон	63
Смерть пьяницы	64
Дума	65
Нигилистическое	66
Младенец	68



Отсутствие	68
Древо	69
Трава	69
Уход	70
У костра	71
Голубок	72
Не говори	73
Накануне бессмертья	74
Отверженный	75
Приходи	76
Звезды	76
Сон	77
Пурга	78
Путь	79
Романс	79
В Святую землю	80
Ночное	83
Март	84
В саду	84
Письма	85
Жар	87
Привет Москве	88
Тьма	88
Рассвет	90
Страх	90
Аркаша	91
Любовь	92
Соблазн	94
Встреча	96
Василиса	97
Прощание	98
Захолустье	99
Изба	100
Кадь	101
«Какой тебе надо свободы?..»	101
Под кометой	102
Кольцо	103
Желание	104
Татьяна	104
Отповедь	105



Врагу.....	106
«Утро ветренное, черное...»	106
Наваждение	107
Камень.....	107
Лицо	109
Лермонтов	110
Пустота	111
Разлад.....	111
Царевна.....	112
Утро	113
Элегия.....	114

ПЕРЕВОДЫ

Альбатрос.....	115
Сумерки	116
Страх	117
«Мы за каждый грех в ответе...»	117
Харамсан	118
Старинная баллада	119
«Как долго ты живешь на свете...».....	119
«Сердце так пылает жарко...»	120
«Ядом враг меня морил...»	120
Сонет конца осени	121
Баллада о собаке	122

ПОЭМЫ

Дворовые фрески	124
Десятый	137
Прорва	149
На Горыни.....	162
Николин день	177

Виктор Михайлович Лапшин

ДОЗОР

Издания Костромской областной писательской организации осуществляются в связи с принятой региональной программой изучения русской литературы.

За справками обращаться по адресу:
156005, г.Кострома, пл. Конституции, 1.
Костромская областная писательская
организация. Телефоны: 31-21-09, 31-35-02.
Web page: <http://www.kosnet.ru/~bam>

Составление, композиция книги, общее и
художественное редактирование — М.Ф.Базанков
Художник — В.И.Кунташев
Техническое редактирование, компьютерный
набор и оригинал-макет — А.М.Базанков
Корректурa — Е.А.Разумов, Н.Т.Перетягина

Стихи и поэмы — в авторской редакции

Издание осуществлено при участии
областной администрации.

Подписано в печать 15.02.06.
2Бумага офсетная. Печать офсетная.
Уч.-изд.л. 10,8. Усл. п. л. 12. Заказ № 948 .

Отпечатано в областной типографии им. М.Горького
Департамента по делам телерадиовещания, печати и массовой
информации администрации Костромской области,
г. Кострома, ул.П.Щербины,2.